

В храме Солнца деревья золотые

Автор:

Наталья Солнцева

В храме Солнца деревья золотые

Наталья Солнцева

Золото #1

Съемочная группа киностудии «Дебют» отправляется на Памир. Фильм будет сниматься в районе Язгулемского хребта, где прокладывают туннель. Подробности никто не знает, все покрыто завесой тайны. Между тем в горах и в самом туннеле происходят необъяснимые явления. В их орбиту оказываются вовлечены не только сотрудники киностудии, но и члены общины, ищущей в горах просветления, и строители, и бывший сотрудник сыскного агентства «Барс» Марат Калитин. Истоки загадочных событий обнаруживаются в Южной Америке, древней империи инков, поклоняющихся солнцу и обожествляющих золото.

Посмотрите видеоролик о новой книге «В храме Солнца деревья золотые (<http://www.youtube.com/watch?v=OjX4wiOfrl>)».

Наталья Солнцева

В Храме Солнца деревья золотые

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша

Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

«Мутится разум, мешаются мысли».

(Шумеро-аккадский эпос)

Доктор Закревская проснулась под утро и больше не смогла заснуть. Захотелось пить. Она привстала, посмотрела на часы.

– Только пять утра...

За окном стояла непроглядная тьма. Зимняя Москва, покрытая блестящим снежным ковром, досматривала свои сны.

Ангелина Львовна вздохнула и повернулась на другой бок. Впрочем, это не помогло. Она попробовала воспользоваться теми советами, которые давала

своим пациентам, страдающим от бессонницы. Увы! Рекомендации всегда легче расточать, нежели применять самому. Убедившись в том, что сна как не было, так и нет, женщина смирилась. Что ж, зато она сможет использовать эти утренние часы по-другому. Например, спокойно подумает о сегодняшнем дне, о клиентах, которые придут к ней на прием, об их проблемах.

Особенно ее волновал Ревин, бывший спортсмен, а ныне влиятельный деловой человек, по стечению обстоятельств оказавшийся мужем ее школьной подруги.

Машенька Ревина дней десять назад прибежала к Ангелине вся в слезах.

– Геля! – выдохнула она, падая в кресло. – Помоги! На тебя вся надежда!

– Как ты меня нашла? – спросила Закревская, безмерно удивленная этим неожиданным визитом.

В школе они с Машей дружили: ходили вместе в литературный кружок, списывали друг у друга домашние задания, делились сердечными тайнами. Но дальше этого дело не пошло. Отгуляв на выпускном вечере, обменявшись жаркими поцелуями и клятвенными заверениями не терять друг друга из виду, подруги разошлись, как казалось, навсегда. Машенька поступила на филфак университета, а Геля в медицинский. Она с детства мечтала стать врачом. Новые интересы, веселая студенческая жизнь закружили, подхватили и понесли школьных подружек в разные стороны. Дальше – боль – ше. Маша вышла замуж, забросила диплом и превратилась в супругу состоятельного бизнесмена Даниила Ревина. Ангелина же увлеклась психиатрией, проводила дни и ночи в библиотеках, защитила кандидатскую, писала статьи. Наука поглотила ее целиком, так что времени на личную жизнь почти не оставалось.

– Как ты меня все-таки нашла? – повторила она свой вопрос, с любопытством разглядывая Машеньку, которая умудрилась внешне практически не измениться.

Кроме, разумеется, одежды. Одета госпожа Ревина была вызывающе роскошно и супермодно: короткая шубка из белой норки, высокие сапоги в обтяжку, крохотный бархатный беретик на пышно взбитых волосах.

– Мне Сашка Шабунин твой телефон дал, – ответила она, стаскивая с головы беретик и усаживаясь поудобнее. – Помнишь его?

– Смутно... – Ангелина Львовна вздохнула. Школьные годы казались такими далекими, нереальными. – А ты все такая же худющая! Дети есть?

– Еще чего! – фыркнула Машенька. – С моим Ревиним только детей наплодить не хватало! И так живу, как на вулкане. У меня в спальне, в шкафу, знаешь, что лежит? Винчестер! Большущая такая винтовка. Без него не засыпаю. Открою шкаф, посмотрю, потрогаю... тогда только ложусь.

– Да... Нервная у тебя жизнь. Вредная для здоровья.

– Ты даже не представляешь, какая вредная! – охотно подтвердила Ревина. – Я и курить начала, и... выпиваю по чуть-чуть. А что делать? Надо как-то стресс снимать.

– Ну, ясно. Ты ко мне пришла не просто так, – усмехнулась Закревская. – Ко мне теперь никто просто так не приходит. Обязательно по делу, и притом по личному.

– Геля-а-а! – захныкала Машенька. – Понимаю, что я скотина. Столько не звонила, не показывалась...

– Да ладно, я тоже хороша. Закопалась в своих книжках, так что белого света не вижу. Выкладывай, что там у тебя. Депрессия? Суицидальный[1 - Намерения и поступки человека, совершающего попытки самоубийства.] синдром? А может, наркотиками балуешься?

Машенька смешно выпучила свои круглые, густо накрашенные глазки.

– Ты что, Геля? Меня же бабуля воспитывала. Какие наркотики! Ты не поверишь, но я даже курю тайком... И вообще, проблемы не у меня, а у Ревина. Я из-за него пришла. Мне совершенно не с кем посоветоваться.

– А что случилось?

Доктор Закревская дома не принимала. Это было ее незыблемым правилом, которое она не собиралась нарушать даже для школьной подруги. Но поскольку в данном случае сам пациент отсутствует, придется выслушать его супругу.

– Только я тебя прошу, никому ни слова! – взмолилась Машенька, прижимая руки к груди и сдерживая готовый вот-вот хлынуть поток слез.

– Разумеется, никому. Не волнуйся. Так что с твоим благоверным?

– Если бы я знала! Потому-то я к тебе и обращаюсь, – перешла на возбужденный шепот Ревина. – Ты же не сочтешь меня ненормальной? Знаешь, как врачи думают? Мол, у этих богатых от шальных денег крыша едет... вот они и бесятся. Никто же всерьез ни в чем разбираться не будет! Выпишут убойные таблетки, от которых люди дураками становятся, и все. Какой нынче с медицины спрос?

В ее словах была доля истины. Закревская возражать не стала, только нетерпеливо повела плечами.

– Говори толком, – строго велела она. – И по порядку.

Машенька растерянно оглянулась, как бы ища поддержки у невидимых слушателей, и принялась объяснять.

– С Ревиним творится что-то непонятное. Он... словом, год назад на него нашло! Был мужик, как мужик и вдруг...

– Ты можешь выражаться конкретнее? Так я ничего не пойму.

– Я сама не понимаю, что с ним происходит! Ну... вот, например, он перестал спать по ночам.

– Как? Совсем?

– Не совсем, конечно, а иногда. Встанет посреди ночи и ходит, ходит... Я его спрашиваю: «Чего ты ходишь?» А он смотрит и молчит. Как будто первый раз меня видит. Ей-богу! Просто жуть берет!

– Ты не преувеличиваешь? Бессонница у бизнесменов не такая уж редкость. Может, у него какие-нибудь неприятности?

Машенька поморгала глазами, поерзала.

– Ревин не первый год бизнесом занимается, – наконец сказала она. – В нашей жизни всякого хватало. Бывало, конечно, что он напьется или загуляет на неделю. Сауна, девочки и прочее. И ночь не спит, если какое-то срочное дело. Но в последнее время он... какой-то очень странный.

– Можешь назвать хоть один конкретный факт?

– Ну вот, например: смотрим мы с ним телевизор вечером, вдруг он как сорвется с дивана, как забегает по комнате и... бормочет что-то. Ты бы видела его глаза! Безумные...

– А что за передача была? Машенька задумалась.

– Фильм какой-то, точно не помню... Про альпинистов, кажется.

Ангелина Львовна помолчала. На кухне закипел чайник, и от его свиста гостья вздрогнула.

– Видишь? Я уже сама от каждого звука шарахаюсь, – сказала она. – Я его боюсь!

– Кого?

– Ревина. Представляешь? Боюсь собственного мужа.

– Погоди, – остановила ее Ангелина Львовна. – Постарайся объяснить, чем вызван твой страх. Муж кричит на тебя? Бьет?

– Нет... что ты! Он меня за всю жизнь пальцем не тронул. Орет, бывало, если чем недоволен, и то редко. Ревин вообще не злой, просто вспыльчивый. Накричит, а потом извиняется.

– И часто у него случаются приступы агрессии?

– Да какой агрессии? – вздохнула Машенька. – Ну, взорвется мужик иногда. С кем не бывает? Ты попробуй бизнес вести, сразу поймешь, отчего у людей нервы сдают.

– Он тебе угрожал? Что он обычно говорит во время скандалов?

– Ну... вопит, как ему все надоело... меня ругает. Ты, говорит, Машка, корова безрогая, никакого толку от тебя нет. Слоняешься целыми днями по квартире да конфеты жуешь. Хоть бы занялась чем-нибудь! Дите бы родила, что ли...

– Может, он прав? Ты не работаешь, средства позволяют, почему бы...

– Вот еще! – перебила ее подруга. – Не приспособлена я для этой роли. Терпеть не могу пеленки-распашонки! Какая из меня мать? Я с детства решила: рожать не буду. И Ревина предупредила перед свадьбой, так что он был в курсе. Да он ругается несерьезно, так... болтает все подряд. Несет чепуху...

– Чего ж ты его боишься?

– Ой, Геля... у него такие глаза иногда становятся! Аж мороз по коже... Не взгляд, а... – она запнулась, подбирая подходящее слово, – ...ледяной холод! Прямо кровь стынет. И ведь раньше ничего подобного не было.

– Сколько вы женаты?

– Семь лет... – всхлипнула Ревина. – Все годы жили душа в душу... Ну, ругались, конечно. А кто не ругается? Зато Данила умел мириться. Цветы дарил, драгоценности... на колени даже вставал. Хоть и шутя, а все же приятно. У нас серьезная размолвка только одна случилась, когда он меня к охраннику приревновал. Да и то это давно было, в первый год. Потом мы притерпелись, притерлись друг к другу.

Ангелина Львовна задумалась. Бессонницу и «странные взгляды» нельзя назвать опасными симптомами, даже с натяжкой. Но Машенька слишком расстроена. А она не из тех, кто хнычет по пустякам. В школе беззаботный характер подруги

вызывал у Гели белую зависть. Она сама мечтала научиться воспринимать жизнь как нескончаемое забавное приключение, но так и не смогла. А вот у Маши это получалось само собой. Ее не так-то легко вывести из равновесия. Значит... с Ревиным действительно происходит неладное, раз его жена то дрожит от страха, то заливается слезами.

– Маша, – серьезно сказала Закревская. – Постарайся вспомнить что-нибудь еще, более существенное. Понимаешь, плохой сон и...

– Да знаю я, знаю... – нервно перебила Машенька. – Потому к тебе и пришла. Чужому не расскажешь...

Госпожа Ревина долго шмыгала носом и судорожно комкала в руках белоснежный беретик.

– Однажды Данила разбудил меня посреди ночи, – едва слышно начала она. – Он кричал: «Где твое золото? Где золото?» Я думала, ему приснился кошмар. «Какое золото? – спрашиваю, – спи!» Но он вскочил, вне себя от возбуждения, бросился к секретеру, вытащил мою шкатулку, высыпал из нее все на стол и устался, как безумный. Я встала, подошла... смотрю на него и не узнаю: руки дрожат, перебирают мои побрякушки, лицо бледное... На самом деле Ревин совершенно не жадный, а к золоту и вовсе равнодушный. Он считает украшения «бабскими штучками». Никаких цепей на шее, булавок, запонок, никаких перстней никогда не носит. Только обручальное кольцо, и то по моему настоянию.

– И что потом?

– Так и сидел до утра над золотом... будто помешанный. Я легла спать, а он не пришел...

Машенька снова заплакала, теперь уже беззвучно. Слезы обильно катились по ее намятым щекам, промывая светлые дорожки.

– Это все?

Госпожа Ревина удрученно кивнула.

- Он просто сам не свой! А с этим золотом... просто ужас какой-то...
- Что требуется от меня? - осведомилась Ангелина Львовна. - Я не могу поставить диагноз с твоих слов. Да ты и не за тем пришла.
- Побеседуй с Дániлой! - взмолилась Машенька. - Ты же профессионал. Выясни, что его беспокоит. Отчего он стал таким?
- Ладно. Пусть приходит. Он согласится?
- Я его уговорю. Придумаю что-нибудь...
- Он сам замечает перемены в своем состоянии?
- Думаю, да... - прошептала Машенька. - Когда становится прежним Ревиным, с которым я восемь лет назад познакомилась на катке. Очнется и испытывает неловкость за свои выходки. Но это бывает все реже и реже. Геля, как быть?!

* * *

Семья Мельниковых переживала трудные времена.

Владимир и Лариса поженились, будучи оба студентами педуниверситета. В Москву они приехали из провинции, жили впроголодь в общежитии, подрабатывали, чем могли. Иногда родители присылали посылки из Ярославской области - сало, домашнюю тушенку. Этого хватало не надолго, и снова начинались голодные дни. Потом жизнь немного наладилась. Володя перевелся на заочное, нашел хорошую работу. Сразу после защиты диплома у Ларисы родился ребенок. Девочку называли Катей.

Мельниковы смогли снимать крошечную квартирку на Бауманской. Лариса вынуждена была сидеть дома, нянчить Катю. О своем жилье мечтать не приходилось. Так и кочевали с квартиры на квартиру. Когда Катюшка подросла и пошла в садик, Лариса устроилась в ближайшую школу преподавать биологию.

Мельников о работе по специальности и не помышлял, понимая, что на учительскую зарплату семью не прокормишь. Работал на стройках, благо в Подмосковье таковых хватало. Частные коттеджи росли, как грибы. Платили строителям неплохо, и Мельниковы жили более-менее обеспеченно. Во всяком случае, на еду и одежду хватало, даже мебелью обзавелись.

И вдруг случилось непредвиденное. О технике безопасности на частных стройках никто не заботился, вот и произошел тот самый «несчастный случай», о котором старались не думать. Мельников полез на лестницу, та съехала, сорвалась и упала. Он сломал руку в локтевом суставе, со всеми вытекающими последствиями: больница, гипс и длительная нетрудоспособность. Оплачивать лечение заказчик не собирался, а за время, проведенное Владимиром на больничной койке, небольшой запас денег, отложенных Мельниковыми, иссяк. Вдобавок ко всем неприятностям рука срослась плохо, не сгибалась, не действовала и продолжала болеть. О возвращении на стройку не могло быть и речи.

Некоторое время семья, едва сводя концы с концами, жила на зарплату Ларисы. Долг за квартиру достиг солидной суммы, и хозяйка предупредила о выселении.

– Что нам теперь делать, по-твоему? – спросил Мельников расстроенную жену. – Возвращаться в поселок, к родителям?

Лариса покачала головой. Уезжать из столицы не хотелось. Здесь хоть какие-то перспективы. В глубинке совсем зачахнешь.

– Нужно тебе искать другую работу, – сказала она. – Может, подвернется что-то подходящее?

– С такой рукой? – Владимир поднял изуродованную руку и с ненавистью плюнул. – Вот же угораздило! Мы с тобой, Лорка, как проклятые, – бьемся, бьемся, и все напрасно. Куда я теперь пойду? Сторожем, и то не возьмут.

– Сторожем возьмут. – Лариса печально вздохнула. – Только нас это не спасет.

Она уже неделю таскала домой кипы газет, предлагающих трудоустройство, но ничего пока не выбрала.

– Ладно, давай ужинать...

– Одну кашу? – возмутился муж.

– Это даже полезно. Каша очищает организм.

– Хорошо, что мы Катьку отправили к моей маме, – обреченно произнес Мельников. – Ребенку нужно полноценное питание. Пусть поживет на свежем воздухе, настоящего молока попьет!

Спать легли рано. Телевизор, – купленную еще до болезни Владимира плазму, – заложили в ломбард. Лариса долго ворочалась с боку на бок, гнала от себя неприятные мысли. Но они, как назло, лезли и лезли – одна хуже другой. Наконец, она не выдержала, встала и прошлепала босыми ногами на кухню. На подоконнике лежала новая газета «Работа для вас». Лариса принялась читать объявление за объявлением, пока не наткнулась на предложение: киностудии «Дебют» нужен помощник администратора. Размер заработной платы почти вдвое больше, чем она получала в школе. Маленькая приписка в конце – «Звонить круглосуточно» – говорила о том, что киностудия остро нуждается в кадрах.

– Наверное, очередная надуваловка, – пробормотала Лариса и взглянула на часы. Было не так поздно, без четверти одиннадцать. – Позвонить, что ли?

Она набрала указанный номер и стояла, переминаясь с ноги на ногу на холодном полу, слушая гудки. Наконец, приятный мужской басок ответил: «Вас слушают».

– Это киностудия? Я... по поводу работы.

– Хорошо. Нам нужны надежные люди.

– А что нужно делать?

– Приходите в офис, и мы все обсудим.

– Когда? – заволновалась Лариса. – Прямо сейчас?

Басок едва слышно хмыкнул.

– Можно и сейчас.

– Но... уже темно. Я боюсь ездить по ночам.

– Тогда утром.

– Утром я буду в школе, я преподаю биологию...

Мужчина положил трубку. Лариса на миг растерялась, потом снова набрала номер.

– Алло... – равнодушно ответил тот же голос.

– Нас прервали? Я только хотела сказать, что...

– Вы не очень заинтересованы, – перебил ее басок. – Нам нужны добросовестные сотрудники.

– Я добросовестная! – обиженно протянула Лариса.

– Когда вы сможете прийти на собеседование?

– Я... могу завтра... после уроков, часов в двенадцать.

Мужчина молчал. В этом молчании сквозило недовольство.

– Алло, вы меня слышите? – спросила Лариса, испугавшись, что он снова положит трубку.

– Слышу...

– Где находится ваш офис? Куда ехать?

– Метро «Авиамоторная», – ответил голос.

– А подробнее?

Мужчина объяснил ей, как найти киностудию.

– Вы все поняли? – уточнил он.

– Да.

– Тогда до завтра.

– Погодите! А... в газете правильно указана сумма заработной платы?

– Правильно.

Лариса с облегчением вздохнула.

– А возраст? – спросила она. – Возраст имеет значение?

– Если вам не больше шестидесяти, то нет.

«Слава богу, это не ночной клуб и не стриптиз! – подумала Лариса. – И не массажный салон. Там нужны только молодые».

– Мне тридцать, – сказала она.

– Прекрасно. Завтра в двенадцать я вас жду.

В трубке раздались гудки. Лариса долго сидела, уставившись на телефон. Она чувствовала неприятное оцепенение внутри.

«Это все мое самолюбие, – сказала она себе. – У меня высшее образование, а я устраиваюсь неизвестно кем на киностудию и страшно счастлива. А! Плевать, в конце концов! Расплатимся с долгами, а там видно будет».

На пороге кухни появился Мельников.

– Ты чего не спишь? – спросил он, зевая. – Тоже есть хочется?

– Мы же ужинали.

– Как это китайцы рисом наедаются? – вздохнул он. – А лошади овсом? У меня в желудке так же пусто, как в кошельке. Проклятая жизнь!

– Прекрати! – разозлилась Лариса. – Иди спать.

– Не могу. Есть хочу...

Она встала, налила воды в чайник, поставила на плиту.

– Я, кажется, работу нашла.

– Да ну? – удивился Мельников, сонно потирая глаза. – Рекламу разбрасывать по почтовым ящикам? Или сетевой маркетинг?

– Нет... Девочкой по вызову.

– Ты что, рехнулась?

– Не знаю, – вздохнула Лариса. – Может, и так...

Чай пили молча. Разговаривать не хотелось.

– Так что за работа? – все-таки спросил Владимир.

– Киностудия «Дебют» приглашает меня на главную роль в фильме «Москва слезам не верит – 2».

– Шутишь...

– Вот и нет!

– Так этот фильм же давно снят.

– То был первый. Теперь продолжение будет. Сериал!

Мельников хлопал глазами, не понимая, о чем она говорит. На голодный желудок он всегда плохо соображал.

– Ты че? Серьезно?

– О Боже! Разумеется, нет. Им нужен помощник администратора.

– А как же школа? – удивился Мельников.

– Нам надо отдать долг за квартиру, – сказала Лариса. – Киностудия, оказывается, готова хорошо платить.

– Ага... – Мельников пытался осмыслить услышанное. – А как же твоя биология?

– Боюсь, биологию придется бросить...

Глава 2

– Я жутко замерз, – жаловался доктор Самойленко, стаскивая перчатки и бросаясь к обогревателю. – Ну и холодина! Пальцев не ощущаю.

– Что ж ты так легко оделся?

– Я думал, пробежусь до метро, потом из метро. До офиса-то два шага. Но мороз прихватил крепко!

– Кофе будешь?

– Конечно, буду, – Самойленко растирал окоченевшие руки. – Ангелина, ты настоящий друг. Спасаяшь мою жизнь.

Он театрально поклонился и сделал такое умильное выражение лица, что Закревская рассмеялась.

– Какой ты все-таки шут, Олежка! Когда перестанешь дурачиться?

Олег Иванович Самойленко арендовал офис вместе с доктором Закревской, считая такое соседство величайшей честью для себя. Они познакомились на одном из семинаров по психиатрии и сразу почувствовали друг к другу симпатию. Обменялись телефонами. Когда Ангелина Львовна решила заняться частной практикой и открыть свой кабинет, то партнера долго искать не пришлось. Олег с радостью согласился, тем более, что вдвоем не только веселее, но и за аренду легче платить. К тому же профессиональная репутация Закревской была выше всяких похвал, и само соседство с ней невольно служило Самойленко рекламой. Он звезд с неба не хватал, был обыкновенным трудягой, дотошным и педантичным, поэтому предложение Ангелины Львовны принял с восторгом.

Один из влиятельных пациентов Закревской помог им с помещением у метро «Белорусская». Олег Иванович взял на себя мужские заботы – ремонт, общение с малярами и сантехниками, покупку мебели и оборудования для кабинетов. Получилось все очень мило и весьма прилично: небольшой уютный холл с кожаными диванами вдоль стен и два отдельных кабинета – его и Ангелины. Секретаря из экономии решили не брать, обходились своими силами.

Самойленко боготворил Фрейда. Портрет знаменитого австрийского психиатра служил заставкой в его ноутбуке. Олег штудировал именитые труды с необыкновенным рвением. Когда разговор заходил о его кумире, он весь преображался, а его речь становилась пламенной, как на революционном митинге.

– Ты действительно считаешь секс источником всех проблем? – насмешливо спрашивала Ангелина. – Вот ты сам, например, разве хотел переспать со своей мамой?

Самойленко страшно смущался.

– Ну... м-м-мм... возможно, подсознательно...

Впрочем, Закревская вовсе не собиралась раскачивать устои психотерапевта Самойленко, она просто подшучивала над ним.

У Олега Ивановича одна страсть сменяла другую. То он увлекался гипнозом, то психокодированием, то еще бог знает чем. В последнее время он погрузился в мир паранормальных[2 - Сверхъестественных.] явлений.

– Я вижу энергетический столб посреди своего кабинета, – с пафосом сообщал он. – Это знак.

– Что еще за знак? – удивлялась Закревская. Она не хотела разочаровывать коллегу своими сомнениями, однако никакого столба не видела.

– Знак Высших Сил! Они явно благоволят ко мне.

Ангелина Львовна пожимала плечами.

– Тебе виднее...

– Как? Разве ты не чувствуешь, не ощущаешь эту мощнейшую энергетику?

Закревская только улыбалась.

– Послушай, Олег, ты бы лучше курил поменьше. Небось пачки в день не хватает.

– Не хватает, – послушно кивал Самойленко.

– А как же пациенты, которых ты кодируешь от курения?

– Так они хотят бросить, а я не хочу! Да они и не видят меня с сигаретой.

– Замечательно! – хохотала она. – Ты уникал, Олег. Хорошо, что ты хоть не алкоголик.

– Я люблю выпить, – присоединялся к ее хохоту Самойленко. – Но в меру.

Сегодня Закревской было не до шуток. С утра позвонила Маша и сообщила, что уговорила своего супруга посетить психотерапевта и поделиться с ним своими проблемами.

«Ревин согласился?»

«Неохотно, – вздохнула подруга. – Ой, Геля, присмотрись к нему внимательно, очень прошу. Может, заметишь что-нибудь этакое...»

«Попробую. Надеюсь, господин Ревин с кулаками на меня не набросится?»

«Что ты, – неуверенно пропищала Маша. – Он джентльмен».

«Ну да, ну да...»

Ангелина Львовна почему-то опасалась этой встречи, втайне рассчитывая на неуспех Машиной миссии. Не хотелось ей разбираться в сложном внутреннем мире господина Ревина, и все тут. А почему? Она не знала.

– О чем ты задумалась? – поинтересовался Самойленко.

– Ой, отстань, Олег. Ты согрелся?

– Почти.

– Тогда иди к себе.

– А как же кофе?

– Забирай... – Закревская выключила кофеварку и вручила ее доктору. – Все, все, иди! Ко мне сейчас важный пациент придет.

– Понял.

Самойленко с кофеваркой скрылся за дверью своего кабинета.

Ангелина Львовна открыла медицинский журнал и углубилась в чтение, надеясь отвлечься. Грядущий визит Ревина вызывал у нее смутное беспокойство, природы которого она не понимала.

Закревская привыкла ко всяким неожиданностям, и волнение по поводу обычного приема раздражало ее.

– Здравствуйте! Вы позволите?

Она вздрогнула. В дверях стоял невысокий крепкий мужчина в дорогом пальто, из-под которого виднелся еще более дорогой костюм.

– Входите, пожалуйста...

– Я Ревин, – сухо представился мужчина. – Даниил Петрович.

– Ангелина Львовна.

– Теперь положено сказать, будто мне очень приятно. Не хочу кривить душой: визит к вам не доставляет мне никакого удовольствия. Это вынужденная мера.

– Вот как?

– К сожалению. Жена настояла. Я ей пообещал.

– Что ж, значит, у вас нет выбора. Проходите, снимайте пальто... садитесь.

Она заставила себя улыбнуться. Даниил Петрович показался ей отталкивающе враждебным. Он явно презирал и ее саму, и ее ремесло.

– Итак, я должен отвечать на ваши вопросы?

Ревин заложил ногу на ногу и уставился на узкий носок своего ботинка, всем видом демонстрируя, что это ему гораздо интереснее, чем доктор Закревская.

– Давайте просто побеседуем, – предложила она. – На тему, которую выберете вы, а не я.

– Вы гарантируете конфиденциальность?

– Безусловно.

– Впрочем, мне нечего рассказать вам. Но сам визит к психотерапевту... накладывает определенный отпечаток. Люди этого не афишируют. Я абсолютно нормален. Жена с чего-то вообразила, будто у меня проблемы.

Закревская промолчала. Молчал и Ревин, раскачивая носком ботинка.

– Почему вы все-таки пришли? – наконец спросила она.

– Говорю же, супруга потребовала...

– А вы, как настоящий мужчина, всегда держите слово.

– Стараюсь... – буркнул бизнесмен. – Ну, валяйте, задавайте ваши вопросы. Мое время дорого стоит.

– Представьте, мое тоже.

– Допустим, – Ревин с трудом сдерживал готовую вот-вот прорваться злость. – Что я должен делать?

– Давайте поговорим. О погоде, например.

– Вы смеетесь надо мной? Я приехал на другой конец города говорить с вами о погоде?!

– Почему бы и нет?

– Идиотизм!

– Как вам понравилась Москва, скованная морозом? – невозмутимо продолжала Ангелина Львовна.

Ревин уставился на нее с видом жертвы, которая в силу определенных причин вынуждена сносить все издевательства.

– Ну, мороз, – промямлил он. – Все белое. И что?

– Вам нравятся лед под ногами, снег, холод?

– Не очень, – передернул плечами Даниил Петрович.

– Напоминает что-то неприятное?

– Сейчас, я полагаю, вы спросите, что именно... Закревская кивнула.

– Правильно полагаете.

– И я должен буду рассказать?

– Желательно, – улыбнулась она. – Мне интересно.

– В самом деле?

Ревин иронизировал, но что-то в нем дрогнуло. Видно было, что он хочет поделиться своими воспоминаниями. Ангелина Львовна не торопила его, ждала.

– Видите ли... – усмехнулся бизнесмен. – Я ведь в прошлом альпинист, и с некоторых пор снега, льды и ветра напоминают мне горы, наши былые походы, подъемы, траверсы, ледники, солнце и... моих товарищей.

– Это вас огорчает?

Даниил Петрович задумался, склонив голову набок и разглядывая кабинет. Обстановка простая, но приятная, располагающая к отдыху. Спокойные тона стен, мебели, окно, занавешенное светлой шторой.

– В общем, да, – признался он. – Некоторых ребят уже нет в живых. А горы... они как стояли, так и будут стоять в своих вечных снегах...

– Горные снега... – мечтательно произнесла Закревская. – Красота, наверное.

Бывший альпинист нервно дернул подбородком.

– Снег красив в парках и скверах, а в горах... он страшен. Большие массивы скапливаются на крутых склонах, а потом... срываются и несутся вниз. Клубящееся белое облако, словно призрак смерти... Жуткое зрелище! – Он вздрогнул. – Мой друг рассказывал, как при спуске с Эльбруса его снесло лавиной в Терскольское ущелье. Двое альпинистов пытались ему помочь, и были завалены снегом. С переломанными костями их выбросило на скальный островок...

Лицо Даниила Петровича исказилось гримасой боли.

– А вы сами...

– Бог миловал! – поспешно заявил он. – Но тот, кто однажды попал в лавину и выбрался живым из ее ледяных объятий, не забудет этого никогда...

– Вы бы хотели снова подняться на какую-нибудь вершину?

Ревин отшатнулся, как будто его ударили.

– Нет, ни за что. С этим покончено, раз и навсегда! Покончено...

* * *

– Поднимите голову повыше, – попросил фотограф. – Не то у вас получится второй подбородок.

Женщина чуть подняла голову, напряженно глядя в объектив.

– Улыбнитесь... Все. Следующий.

В дверь заглянул хозяин фотостудии «Профиль» Марат Калитин.

– Саня, у тебя очередь, – недовольно сказал он.

Фотограф раздраженно обернулся.

– Это же хорошо.

– Постарайся обслуживать клиентов побыстрее. Мне не нравится, что людям приходится ждать.

Фотограф пожал плечами.

– Как могу, так и обслуживаю...

– Неправильно рассуждаешь, – возразил хозяин. – Не «как могу», а «как можно лучше».

Калитин вышел, в очередной раз размышляя, почему его сотрудники не заинтересованы в клиентах. Может, потому, что работают не на себя, а на хозяина? Хотя, кто им запрещает заниматься частным бизнесом? Но ведь нет! Не заставишь. Каждый намерен переложить ответственность на другого, чтобы потом ворчать и небрежно выполнять свое дело.

Марат страдал от постоянной текучки кадров. Ему хотелось стабильности, хорошо отлаженной работы, дружного коллектива. Ничего не получалось. Один фотограф сменял другого, но ситуация существенно не менялась. Для Калитина подобное отношение к работе оставалось неразрешимой загадкой. Сначала он пытался что-то исправить, наладить, но со временем махнул рукой. А, плевать! В конце концов, он открыл студию, чтобы зарабатывать деньги, а не биться лбом об стену. Несмотря на досадные недочеты, «Профиль» приносил хороший доход.

Марату Калитину исполнилось тридцать пять лет. Его судьба складывалась по-всякому: то гладко, то замысловато. Одним словом, скучать ему не приходилось. Родился он в Москве, в семье спортсменов. Отец и мать Марата занимались

биатлоном, достигли хороших результатов, неоднократно выступали на Олимпийских играх и даже становились призерами. Золота, правда, им ни разу не досталось, но бронза на соревнованиях такого ранга тоже почетна.

Калитины были романтиками и единственного сына называли Маратом в честь вождя французских якобинцев.[З - Якобинец – буржуазный революционер-демократ.] Мальчик рос у бабушки в Отрадном, так как родители бесконечно пропадали на тренировках, сборах и соревнованиях. Они любили Марата, но виделись с ним редко. Бабушка Зина, женщина рассеянная и беззаботная, особо внуку не докучала ни воспитанием, ни поучениями. Она кормила мальчика, следила за его одеждой, посещала школьные родительские собрания и на том считала свой долг исполненным. Ребенок, предоставленный сам себе, познавал мир и людей, как получалось. Он с детства привык сам принимать решения, обо всем имел свое мнение и прекрасно обходился без авторитетов.

Сигнал мобильного вывел его из задумчивости. Он взял трубку.

– Слушаю...

– Ты очень занят? – спросил хорошо знакомый Марату женский голос.

– Не так, чтобы очень, но...

– Значит, свободен, – решительно сказала женщина. – Какие у тебя планы на сегодняшний вечер?

– Пока никаких...

– Поужинаем где-нибудь? Я ужасно голодная.

– Опять не успела пообедать?

– Как всегда, – вздохнула женщина.

Калитин обрадовался. Они не виделись уже целую неделю, и он успел соскучиться. Роман с Ангелиной Закревской был самым серьезным и значительным в его жизни.

Марат не относился к влюбчивым мужчинам, но все же имел на счету пару-тройку любовных историй. Его первой «роковой страстью» была одноклассница Алла – нежная, тонкая блондинка с серыми глазами. Марат страдал молча, не смея подойти к предмету своих воздыханий. Алла была строгой и правильной девочкой: всегда безукоризненно одетой, причесанной и неизменно вежливой. Она отлично училась, увлекалась философией, теннисом и классической музыкой. Марат рядом с ней чувствовал себя обыкновенным уличным хулиганом. Объяснение между ними так и не состоялось. Он робко пытался провожать Аллу домой, но это не возымело успеха. Приглашения в кино или на каток она тактично отклоняла и, наконец, объяснила Марату, что им сейчас следует готовиться к поступлению в университет, а не отвлекаться по пустякам.

Он был сражен наповал. Как? Это любовь-то – пустяки?! Разочарование было сокрушительным и бесповоротным. Алла моментально потеряла в глазах Марата всю свою привлекательность. И несколько лет он смотрел на девушек исключительно как на объекты дружбы и сотрудничества.

Второй раз его сердце пробудилось для влюбленности во время очередной командировки в Питер. Девушку звали Алина. Созвучие имен сыграло не меньшую роль, чем внешнее сходство. Алина оказалась сговорчивее Аллы. Она увлекалась фигурным катанием, и Марат приобрел абонемент в спортивный комплекс. На крытом катке играла музыка, горели прожекторы. В свободное от работы время Марат наблюдал за тренировками фигуристов, а после, когда каток открывался для публики, они с Алиной катались вдвоем. Как известно, бесконечных командировок не бывает. По истечении трех месяцев пришла пора возвращаться в Первопрестольную.

Разлука оказалась мучительной. Алина провожала Марата на поезд и долго стояла у края перрона, вытирая слезы. Она обещала писать. Сначала письма приходили часто, потом все реже и реже. К Новому году Калитин получил от девушки открытку с поздравлением. Приписка «Будь счастлив!» очень ему не понравилась. Нехорошие предчувствия закрались в его сердце. Однажды ему приснился сон: Алина, улыбающаяся и прекрасная, машет ему рукой, словно прощаясь. «Разве мы больше не встретимся?» – спросил Марат. «Я выхожу замуж... – ответила она. – Прости!»

Сон был вещим. После Нового года письма приходиться перестали. Калитин звонил Алине, но та не брала трубку. Он написал своему товарищу в Питер, и тот

сообщил, что Алина действительно вышла замуж за курсанта военного училища.

Марат решил, что женщины не достойны его внимания, ни на одну из них нельзя рассчитывать всерьез. С тех пор он строил свои отношения с ними по совершенно другому принципу, легко и свободно. Любовная, интимная связь, – пока не надоест, а после – спокойное расставание. Казалось, чувства не имели больше власти над ним.

Марат был хорош собой, – высокий, крепкий, подтянутый, с правильными, хотя и крупными чертами лица, черноволосый, темноглазый. Женщины охотно с ним знакомились, влюблялись, вступали в связь. Калитин их не обманывал: сразу предупреждал, что симпатии его недолговечны, чувства изменчивы, как весенний ветерок. Прекрасных дам сии откровения не пугали. Каждая надеялась, что все это применимо к другим, а вот она – единственная и неповторимая – сумеет своей красотой и обаянием склонить ветреного кавалера к женитьбе. Не тут-то было! В любой женщине Калитину мерещился призрак Аллы-Алины. Они обе слились в некую единую субстанцию, которая не позволяла ему по-настоящему увлечься, отдаться чувствам.

Временами на Марата накатывала депрессия. Ее проявления становились все более продолжительными, изматывающими. Он пробовал пить, но это не помогало. Видимо, природное отвращение ко всяким излишествах, в том числе и большим дозам алкоголя, сыграло положительную роль. От двух-трех рюмок Калитин не пьянел, а от двух-трех стаканов ему становилось так плохо, что он потом неделю болел. Друзья посоветовали обратиться к толковому психотерапевту.

Марат отличался на редкость крепким здоровьем и не имел знакомств в медицинских кругах. Однако идти к кому попало не хотелось. Он принялся наводить справки. Один из бывших сослуживцев, который проходил курс психологической реабилитации после чеченской войны, порекомендовал Марату доктора Закревскую.

Калитин долго раздумывал, колебался, но очередной затяжной период депрессии все же заставил его обратиться к специалисту.

Так Марат познакомился с Ангелиной Львовной. Докторша казалась полной противоположностью тем женщинам, которые ему нравились: низенькая

брюнетка с выраженными формами груди и бедер, с живыми карими глазами и круглым добродушным лицом. Ее черные волосы были гладко зачесаны назад и собраны на затылке в пучок.

«Зануда. Синий чулок! – окрестил ее Марат. – Только очков не хватает».

Но и очки имели место. Просто Закревская то надевала их, то снимала, в зависимости от освещения, настроения и прodelываемой работы.

– Я вас слушаю, молодой человек, – сказала она, когда Марат впервые явился в ее кабинет, все еще в нерешительности, стоит ли раскрывать сокровенные тайны души перед чужим человеком.

Нужно было что-нибудь говорить, раз уж он пришел. И Калитин постепенно, слово за слово, выложил Ангелине Львовне все перипетии своей запутанной жизни.

Сеансы психотерапии, за время которых Марат избавился от приступов депрессии, тянулись около года. Он успел привыкнуть к Ангелине Львовне, ее хриловатому голосу, открытому взгляду и улыбке.

– Ну, я полагаю, теперь вы полностью вернули себе душевное равновесие, – в один из дождливых осенних вечеров заявила доктор Закревская. – Вам больше не нужно приходить ко мне.

– Как? – растерялся Марат. – Почему не нужно?

– Вот так! – улыбнулась она. – Все, что могла, я сделала.

Калитин вышел из ее кабинета, не чуя под собой ног, не попрощавшись как следует, не поблагодарив. Неделю он прожил как в тумане, а в воскресенье позвонил Ангелине Львовне.

– Давайте поужинаем вместе, – предложил он. – Вам нравится «Лангедок»?

– Не знаю, – засмеялась она. – А что это такое?

«Лангедок» – небольшой уютный ресторанчик – славился французскими винами и изысканной кухней. Именно в нем Марат и докторша впервые встретились в «неформальной» обстановке...

Глава 3

Лариса легко нашла офис киностудии «Дебют». Он оказался на удивление небольшим. В сумрачном холле, украшенном искусственными деревьями в кадках, сидела секретарша – женщина средних лет, с бесцветными волосами и в очках.

– Вам кого? – хмуро спросила она, окидывая посетительницу строгим взглядом.

– Я... – оробела Лариса. – Я по поводу объявления...

– Какого объявления?

– Насчет работы. Я звонила вчера вечером...

– А-а! – не дослушав, кивнула секретарша. – Тогда вам к Чарову. Вторая дверь по коридору, с левой стороны.

– С-спасибо, – пробормотала Лариса, бочком проскальзывая мимо сердитой дамы.

В коридоре было темно и пустынно. Пахло пылью.

Лариса представляла себе киностудию несколько по-другому. По ее мнению, здесь должны толпиться актеры, режиссеры, операторы, гримеры, статисты и прочий киношный народ; повсюду должны громоздиться декорации, висеть костюмы, стоять камеры, гореть прожекторы... и происходить еще много чего шумного и чудесного. Полная тишина и безлюдье неприятно поразили учительницу Мельникову.

«Наверное, сама киностудия в другом месте, – решила она. – А здесь что-то вроде конторы... или отдела кадров».

Лариса подошла к двери с табличкой «Чаров В.А.» и осторожно постучала. Из кабинета раздался приятный басок:

– Входите!

В светлом квадратном помещении стояли письменный стол с компьютером, несколько стульев и старинная чугунная вешалка, которая совершенно не вязалась со всей остальной обстановкой. На вешалке одиноко висело длинное горчичное пальто Чарова.

Сам хозяин кабинета отвлекся от разложенных перед ним бумаг и настороженно уставился на Ларису.

– Что вам угодно? – осведомился он, жестом предлагая посетительнице сесть.

Мельникова опустила на кончик стула и сжала в руках сумочку.

– Моя фамилия... не важно... Я вам вчера звонила по поводу работы...

Чаров опустил глаза и хмыкнул.

– Вчера поступало множество звонков.

– Я Мельникова, – торопливо объяснила Лариса. – Учительница биологии. Помните?

– Допустим...

– Так у вас есть работа для меня?

– Разумеется.

– А что надо делать?

– Нам требуется помощник администратора, – сказал он, улыбаясь одними губами. – Значит, человек, который должен справляться с разной работой.

Лариса не знала, что сказать. Она смотрела на Чарова, как его холодная улыбка медленно сползала с лица.

– И все-таки...

– Разная работа! – повторил он, повысив голос. – Разная! Возможно, придется стирать и гладить костюмы, выдавать и собирать реквизит, готовить еду для артистов и сотрудников киностудии. У нас разносторонняя деятельность.

– А... какова продолжительность рабочего дня? – спросила Лариса, все более теряясь под взглядом Чарова.

– Рабочий день не нормирован, – ответил он. – Вы можете быть задействованы целые сутки, а можете отработать пару часов и быть свободны.

– Но я еще работаю в школе...

– Совместительство исключено, – резко сказал Чаров, всем своим видом показывая, что разговор слишком затянулся. – Вам придется сделать выбор. Что вы решили?

– Я не знаю, я...

– Тогда поговорим в другой раз, когда вы определитесь.

– Нет-нет! – испугалась Лариса. – Лучше сейчас.

– Хорошо. – Чаров терял терпение. – Сколько вам платят в вашей школе?

Лариса промолчала.

– Вот видите! – усмехнулся он. – И вы еще раздумываете? Что за странные люди?! Готовы довольствоваться грошами, лишь бы ничего не менять.

Учительница Мельникова вспомнила о долге за квартиру, грозящем выселении и... решила. В конце концов, что она теряет? Работа в школе всегда найдется.

– Ладно, – сказала она. – Я согласна. Сколько мне будут платить у вас? Как в газете написано?

Чаров удовлетворенно кивнул.

– Возможно, и больше. Все будет зависеть от вашей работоспособности. Да, кстати, забыл вам сказать, у нас предусмотрены командировки.

– Командировки? – удивилась Лариса.

– Вот именно! – подтвердил Чаров. – Фильмы снимаются не только и не столько в московских павильонах. Это происходит в самых неожиданных местах. И там съемочной группе тем более не – обходимы помощники.

– Д-да?

Разъезды не входили в планы Мельниковой, и она чуть было не отказалась.

Хозяин кабинета уловил ее колебания.

– Командировки оплачиваются по повышенному тарифу, – сказал он. – Вам ведь нужны деньги, не так ли?

– Очень нужны.

– Так работайте! Вам предоставляется отличная возможность решить свои финансовые проблемы.

– Я не думала о поездках... я полагала, что...

– Дети есть? – перебил ее Чаров.

– Есть, – не посмела солгать Лариса. – Девочка. Но она сейчас у бабушки. Да и муж у меня сидит дома. У него рука больная. Так что...

– Вот и замечательно. Вы хотите работать, мы готовы платить достойные деньги. Какие могут быть раздумья?

«В самом деле, – подумала пристыженная учительница. – Что мне еще надо? Оклад обещают хороший, квалификации особой не требуется. Ну, придется куда-нибудь съездить. Ничего страшного. Даже интересно. Хоть посмотрю, как кино снимается! А то так и умру провинциальной дурищей».

Мысли о будущих приключениях захватили ее.

– Когда выходить на работу? – спросила Лариса, уже ничуть не сомневаясь в правильности своего выбора.

– Завтра, – ответил Чаров. – С утра. Приходите к девяти.

Мельникова выпорхнула за дверь, чувствуя себя актрисой, приглашенной на ведущую роль. Ах, как чудесно иногда может складываться жизнь! Правду говорят, нет худа без добра.

Она попрощалась с секретаршей, как с лучшей подругой, и вышла на улицу. Настроение было превосходное. Лариса решила отметить свою удачу. На последние рубли купила еды и две бутылки пива.

– Ты что? – рассердился Мельников, пропуская ее в тесную прихожую. – С ума сошла? Этих денег нам должно было хватить на две недели!

– Экономить больше не придется, – успокоила его жена. – С завтрашнего дня я выхожу на новую работу. Если буду ездить в командировки, заплатят больше.

Муж с сомнением покачал головой.

– Что ты будешь делать?

– Что скажут.

– Надеюсь, интимных услуг от тебя не потребуют?

– Да ну тебя! – обиделась Лариса. – Вечно настроение испортишь...

– Просто я хорошо усвоил, что зря деньги нигде и никому не платят, – раздраженно сказал муж.

– Почему это зря? Я... работать буду. Это же кино! Как ты не понимаешь? Кино-о! Праздник жизни.

– Ох, смотри, Лорка, как бы тебе этот праздник боком не вышел...

– Да замолчишь ты или нет? – едва не заплакала она. – Радовался бы, что я работу хорошую нашла, что с долгами расплатимся. А ты все каркаешь и каркаешь!

Но пыл ее угас. Праздничный ужин оказался не таким веселым, как ожидалось. Володя молчал и сопел недовольно, потом ушел в комнату разрабатывать свою негнущуюся в локте руку.

– Болит? – спросила жена, обнимая его за плечи.

– Болит, проклятая, – сокрушенно ответил Мельников. – И разгибаться не хочет. Черт, как не повезло!

Лариса, утомленная сегодняшними событиями, постирала кое-какую мелочь и легла. Забылась тревожным и неприятным сном. Чаров звал ее за собой, вел куда-то по бесконечным темным коридорам. Куда? Зачем? Лариса хотела вернуться, но тут же вспоминала о деньгах, о том, что их с Володией вот-вот выселят из квартиры. И шла за Чаровым. Он крепко держал ее за руку, часто оборачивался; в темноте его глаза сверкали, как у кота. Когда Лариса пыталась высвободиться, Чаров громко и раскатисто смеялся. В гулких коридорах его хохот многократно повторяло зловещее эхо...

– Лорка, Лорка! Проснись!

Лариса с трудом открыла глаза и вдохнула по – больше воздуха. В груди застыл тяжелый твердый ком. Володя изо всех сил тряс ее за плечо.

– Ну, слава богу! Я уж думал, не добужусь! – воскликнул он, испуганно глядя на жену. – Ты чего? Кошмар приснился?

– Где я?

Лариса спросонья не понимала, что происходит.

– Дома. Ты кричала во сне...

– Это нервы, – успокаиваясь, сказала она. – Слишком много впечатлений для одного дня.

– Принести тебе чаю? – спросил Мельников.

– Не надо. Давай спать...

* * *

Погода стояла, хуже не придумаешь. Всю ночь и весь день мело колким, морозным снегом, ветер завывал в переулках и проходных дворах, сбивал с ног.

– Ну и зима нынче выдалась! – сокрушалась Ангелина Львовна, пытаясь согреться. Пока они с Калитиным добрались от машины такси до ресторана, их с ног до головы засыпало снегом. – Закажи коньяк.

– Непременно, – кивнул Марат.

– Что будем есть? – поинтересовалась она. – Я очень голодная.

– Налимью уху и расстегаи.

– Так я и знала!

– Возражаешь? Она пожала плечами.

– Нет. Пусть будет уха...

Столики в зале были накрыты белоснежными скатертями, в каменном очаге горел живой огонь. Маленькая эстрада пустовала.

– Здесь играет классный саксофонист, – сообщил Калитин. – Он выйдет попозже.

Пока они ожидали заказ, официант принес коньяк в стеклянном графине, холодную буженину и грибы.

– Давай выпьем, – сказала Ангелина. – А то я не согреюсь никак.

Марат налил в широкие бокалы помногу, почти на треть.

– За нас...

Выпитое растеклось внутри приятным теплом, сознание слегка затуманилось.

– Как твои дела? – спросила она, глядя на глубокие тени на лице Марата.

– Имеешь в виду студию? – усмехнулся он. – В общем, неплохо. Это что касается денег. В остальном... большого удовольствия я не получаю, занимаясь фотографией. Скука смертная...

– В детективном агентстве было веселее?

– Представь, да, – засмеялся Калитин. – Несмотря на разгул криминала и беспредел силовиков. Неизвестно, кто кого превзошел. Зато скучать не приходилось. Я уже не раз пожалел, что пришлось закрыть агентство.

– Неужели больше нечем развлекаться?

– Развлечение, как по мне, должно быть экстремальным. Мужчина, который не рискует, – ржавеет. Адреналин! Вот мужской наркотик.

До фотостудии Калитин владел частным сыскным агентством «Барс». А еще раньше – являлся сотрудником секретного спецподразделения. Годы, проведенные на государственной службе, он вспоминал неохотно. Посмеивался:

– Лучше забыть. Так для всех безопасней: и для меня, и для окружающих.

И он действительно забыл.

– Почему ты ушел из... госструктуры? – как-то спросила Закревская.

– А! – махнул рукой Марат. – Не хочу вспоминать! Мне в некотором роде повезло не упасть на скользкой дорожке, вот я и не стал испытывать судьбу. Второй раз она могла оказаться не столь благосклонной.

Ангелина Львовна решила не настаивать на откровенности. Она поняла, что в прошлом Марата есть нечто, куда нет доступа никому, в том числе и ей. В этом был свой резон. Меньше знаешь, крепче спишь.

Официант принес, наконец, дымящуюся уху, и они принялись за еду.

– Лина, а как твоя наука? Все пишешь статьи в умные журналы?

Отношения между Калитиным и Закревской давно перешли из разряда «пациент – доктор» в совершенно иное русло. Их можно было скорее назвать любовно-дружескими, нежели просто приятельскими. Ангелине Львовне нравилось в Марате все – он умел ненавязчиво общаться, не приставал к ней с поцелуями и объятиями. Даже то, что он пользовался успехом у женщин, импонировало ей. Он стал называть ее Лина, и Закревской понравилось. Имя Ангелина давало широкий простор для фантазий, но никто не переделал его на такое ласковое и мягкое. В школе Закревскую называли Геля, мама окрестила ее Ангелом, в институте ее игриво звали Анжелой, – и ни одно из этих уменьшительных имен ей не нравилось. А вот Лина... Словом, Калитин сумел угодить даме.

– Моя наука? – рассеянно переспросила она, очнувшись от мимолетных мыслей. – Странное у меня занятие, ты не находишь?

Марат пожал плечами. Он раньше тоже увлекался психологией, наряду с философией и логикой, но особо не преуспел в этом.

– Чужая душа – потемки, – сказал он.

– Избитая фраза.

– Так ведь люди ничего лучшего не придумали! – возразил Калитин. – Они до сих пор пытаются облечь старый манекен в новые одежды.

– Ну и сравнения у тебя...

– Стараюсь, – улыбнулся Марат. – Если я перестану быть интересным, ты откажешься со мной встречаться. А я уже привык к тебе.

– Серьезно?

– Еще как.

Калитин не лгал. Его в самом деле все сильнее тянуло к ней. Сначала они виделись раз-два в месяц, потом каждую неделю, потом... Марату уже и этого казалось мало. Закревская не старалась произвести на него впечатление как на мужчину, – не кокетничала, не заигрывала с ним. Она вообще не придавала значения личному обаянию и вела себя естественно, приводя этим Марата в восторг. Женские уловки, дурацкие капризы, пустая болтовня и жеманные манеры со временем начали раздражать его. Ангелина оказалась приятным исключением. Она была умна без занудства и приятна без ухищрений. Это редкое сочетание в женщине очаровало Калитина сильнее, чем он ожидал. К тому же Закревская не помышляла о замужестве, и это придавало отношениям с ней свободу и легкость.

– Знаешь, Калитин, – засмеялась она, – ты начинаешь мне нравиться. Это опасно.

– Почему?

Она уклончиво повела плечами.

– Вдруг меня угораздит влюбиться... столько сразу возникнет лишних сложностей. И вообще... нам такое ни к чему.

– За меня попрошу не расписываться, – улыбнулся Марат.

– Налей мне еще коньяка, – сказала она.

Они снова выпили. В зале стало шумно, жарко засияли люстры. У Ангелины Львовны кружилась голова.

– Боюсь, тебе придется выносить меня отсюда... – пошутила она.

– Неужели? С превеликим нашим удовольствием.

Ей было хорошо сидеть напротив Марата, пить коньяк и смеяться.

– Расскажи мне что-нибудь о своих новых достижениях.

– Какие там достижения? – вяло махнула рукой Закревская. – Чем дольше я работаю, тем чаще становлюсь в тупик. Я уже начинаю думать, что взялась не за свое дело. Надо было выбрать специализацию педиатра или стоматолога. По крайней мере там существует хоть какая-то определенность. А психика... такие дебри! Человек внутри себя непредсказуем и сложен. Это даже не темный лабиринт, это... бездны непроницаемые.

– Ну, не преувеличивай. Такие уж и бездны! По-моему, некоторые люди читаемы, как театральная афиша.

– Вот именно, что некоторые. И читаемы вовсе не они, а то, что они тебе показывают.

Калитин задумался. Коньяк спутал его мысли, а близость докторши вызвала странные желания, отличные от философских выкладок. Он внутренне встряхнулся и попытался собраться. Нет, говорить сейчас о психотерапии не хотелось. Тянуло на что-то романтическое, безрассудное, но... сам же спросил о «новых достижениях»? Придется держать марку.

– Ты Ревина знаешь? – вдруг сменила тему Закревская. – Даниила Петровича?

– Данила Ревин? Что-то припоминаю. По-моему, известный в прошлом альпинист. Я тоже немного увлекался скалолазанием, но дальше учебных походов дело не пошло.

– Есть что-то, чем ты не увлекался?

Марат пробовал себя в разных видах спорта – парашютизм, мотогонки, серфинг, редкостные восточные единоборства. Он отдал дань всему понемногу, ни на чем не останавливаясь. Альпинизмом он бредил в юности, зачитываясь книгами о горноспасателях, покорении вершин и ледников, знал наперечет героев прославленных восхождений. Большой Памирский тракт, Пишхорское ущелье, пик Корженевской, Дарвазский хребет... – эти названия звучали для него самой приятной музыкой. Бородатые, черные от мороза и солнца парни в просоленных ветровках, одичавшие от жизни в снежном поднебесье, долгое время были его кумирами. Годы спустя он назвал свое сыскное агентство «Барс» в память о былом увлечении. «Снежный барс» – почетное звание, присваиваемое выдающимся альпинистам.

Снежный барс, светло-серый, с черными пятнами, изящный и сильный, почти незаметен среди скал... Бесшумно скользит он в клубах тумана, выслеживая на скальных террасах горных козловтеков. Ловкий и бесстрашный хозяин гор легко переходит через скрытые под снегом ледниковые трещины и умело избегает готовых рухнуть в бездну снежных карнизов. Следуя за стадами архаров[4 - Архар – горный баран.] или хангулов,[5 - Хангул – благородный олень.] барс поднимается до семитысячной высоты... как раз туда, куда забраться могут лишь настоящие альпинисты.

– Ревин... Ревин... – задумался Марат. – Кажется, он совершил траверс вершин Кальберг – Адайхох.

– Что? – не поняла Закревская.

– Это на Кавказе, – пояснил он. – И еще... на Памиро-Алтае он поднимался на Чапдару. Один из труднейших маршрутов. Думаю, это далеко не все. Данила Ревин – опытный альпинист, но давно забросил горы. Я слышал, он сейчас организовал свой бизнес и довольно неплохо стоит.

– Ну и память у тебя!

– Могу в цирке выступать, – похвастался бывший детектив. – В школе я брал призы на математических олимпиадах, а бабуля прочила мне славное цирковое будущее. Если я хоть раз что-то увидел или прочитал, уже не забуду. Трехзначные числа умножаю и делю в уме почти мгновенно.

– Вот это да! Что ж ты раньше молчал?

– Во-первых, ты не спрашивала. Во-вторых, ничего выдающегося в этом нет. Кому нужно считать в уме, когда повсюду компьютеры и калькуляторы?

– Не скажи, – возразила Закревская. – Хорошая память в наше время редкость. Знаешь, сколько пациентов обращаются ко мне именно с целью улучшить память?

– У меня с детства память отличная.

– Повезло тебе, Калитин. А почему ты не пошел в математики? Был бы сейчас профессором.

– Я бы рехнулся от скуки, – признался Марат. – Формулы, уравнения и корни – это не для меня. Я не могу долго сидеть на одном месте, а тем более корпеть над бумагами. В олимпиадах я принимал участие только по требованию учительницы. А так... меня за уроки не загнать было. Все делал на ходу и как попало, но учился хорошо. Отличником не был, признаюсь, но четверок в аттестате имею буквально пару штук – по пению и литературе.

– Честно говоря, я считала тебя хулиганом и двоечником.

Марат смешно скривился.

– Вот это да! – возмутился он. – Хорошее же я произвожу впечатление на людей.

– Ну, извини... что есть, то есть.

– Кстати, а почему ты интересуешься Ревиным? Он что, твой пациент?

Ангелина Львовна была связана врачебной тайной, поэтому не могла сказать правду. И серьезного повода для этого не видела. Пока.

– Нет, – ответила она. – Даниил Петрович – муж моей школьной подруги. У них возникли проблемы.

– Семейные?

– В общем, да...

Глава 4

– Эй, Мельникова, помогай, чего рот раскрыла?

Зычный голос принадлежал Глафире – старшей по костюмам и прочему киношному инвентарю. Когда Лариса, на школьный манер, назвала ее завхозом, Глафира страшно обиделась.

– Ты кто? – возмутилась она. – Новенькая, что ли?

– Ага.

– Сразу видно! Я, милая, никакой не завхоз. Я – администратор.

– Извините, – растерялась Мельникова.

– Ладно, – смягчилась администраторша. – Будешь при мне. На подхвате.

Вещей и вещей, которыми ведала Глафира, было столько, что новая сотрудница запуталась в них. Многие предметы и технику Лариса вообще видела впервые. Они с Глафирой занимались тем, что упаковывали разнокалиберную утварь в большие деревянные ящики, помеченные жирным черным клеймом – «Дебют».

Работа была не тяжелая, только очень суматошная. Все бегали, кричали, ругались, искали то одно, то другое, беспрерывно что-то выясняли и уточняли. К концу дня Мельниковой казалось, что она немного оглохла, а перед ее глазами мелькали разноцветные круги. Киностудия уже не представлялась Ларисе сонным царством, как при первом посещении. Наоборот, жизнь здесь кипела и бурлила.

Через неделю Глафира подошла к ней с ведомостью.

– Получи аванс и распишись вот здесь.

– Ой! – обрадовалась Лариса. – А мне положено?

Деньги оказались как нельзя кстати. Об уплате долга конечно же речь не шла, но хоть на питании не придется экономить.

– Чудеса! – удивился Мельников, когда Лариса, усталая и счастливая, пришла домой с полной сумкой продуктов. – Неужели заплатили?

– Как видишь.

Прошли еще две недели, и Глафира предложила Ларисе командировку.

– Ты не пугайся. Это недалеко, – сказала она. – В Геленджик. Там какой-то эпизод снимать будут. Поедешь?

– Не знаю. С мужем хочу посоветоваться.

Мельников не пришел в восторг от перспективы на десять дней остаться одному, но... подумал и согласился, что ехать надо. Тем более за поездку обещали заплатить по двойному тарифу.

В Геленджике выпавший снег сразу таял, с моря дули влажные ветры, а сахарные вершины гор напоминали Ларисе сказочные картинки. Она бродила по мокрой прибрежной гальке и слушала прибой. Работы было немного – приносить на съемочную площадку горячие обеды, выдавать и приводить в порядок

костюмы, убирать инвентарь.

Мельникова никогда не видела моря зимой. Впрочем, она его и летом-то видела всего один раз, когда они с Володей ездили дикарями в Крым.

Время съемок пролетело быстро. Москва встретила путешественников густой метелью и холодом, от которого все успели отвыкнуть. Ларисе бросилось в глаза, что муж осунулся и похудел, пока ее не было.

– Соскучился? – спросила она, входя в знакомый теплый уют комнаты.

– А ты нет? Понравилось гулять?

Володя ревниво оглядывал ее фигурку в синем трикотажном костюме, купленном на новую зарплату.

– Я не гуляла, а работала, – мягко возразила жена. – Вот деньги.

Она постепенно привыкала к работе на киностудии, и даже командировки уже не пугали ее. Ничего страшного в них не было – обычная рутина: принеси – унеси, подай – возьми, найди, убери, сбегай, позови, сложи. Вот и весь нехитрый перечень обязанностей. Наблюдать за съемками оказалось не так интересно, как она думала. Дубли повторялись по несколько раз, один эпизод совершенно не вязался с другим, актеры нервничали, режиссер срывал голос, операторы требовали что-то свое. Каждый качал права, и никто никого не слушал. Утешала в этой ситуации зарплата, которую платили исправно.

Мельниковы успокоились. Они отдали часть долга за квартиру, послали немного денег бабушке в деревню, где гостила их дочка, купили новый телевизор и подержанный ноутбук. Жизнь налаживалась.

– Слушай, Лорка, ты хоть расскажи, как кино снимается! – просил Владимир.

Ему было скучно сидеть одному в четырех стенах, пока жена пропадала на работе.

– Да так и снимается, – вздыхала Лариса. – Обыкновенно. Все ругаются, кричат, суетятся, а потом... все получается.

– Что за фильм? О чем? Мельникова пожимала плечами.

– Вроде про любовь... и про спортсменов каких-то. Про горы. Я толком не знаю.

– Как это? Тебе разве не интересно?

– Не-а, – лениво отвечала Лариса. – Не интересно. Наверное, Глафира права: я не создана для кинематографа. Это особый мир, который подходит далеко не каждому.

– Неужели тебе не хотелось быть актрисой, играть разные роли?

– В детстве, может, и хотелось, а с возрастом прошло. Думаешь, приятно, когда на тебя все пялятся?

– Что здесь такого?

– Вот представь, тебе надо плакать или в любви объясняться при всех. Или целоваться? Ты бы смог?

Мельников долго думал, но так и не нашел, что ответить.

– Я бы не смогла, – сказала за него Лариса. – Мне стыдно. Как это люди могут самое сокровенное выставлять напоказ?

– Привыкли, наверное...

– Разве к такому можно привыкнуть?

– Люди ко всему привыкают, – философски рассудил Владимир.

– Ну да... – согласилась Лариса.

После этих разговоров у нее почему-то портилось настроение. Работа на киностудии «Дебют» вызывала непонятное беспокойство. Гораздо комфортнее Мельникова чувствовала себя в школе, где ей все было мило и знакомо.

– Вот рассчитаемся с долгами, и снова буду преподавать свою биологию.

Владимир кивал головой. Ему тоже не по душе пришлась новая работа Ларисы. Но... человек предполагает, а Бог располагает.

– Я скоро снова в командировку уеду, – однажды сказала Лариса.

– Надолго?

– Кажется, да. И надолго, и далеко.

– Куда, если не секрет?

– Точно не знаю пока. Ходят слухи, что снова в горы. Только на этот раз в другое место. На Памир, кажется.

– На Памир? – удивился Мельников. – В такую даль? Что ваша киностудия забыла на Памире?

Ларису саму интересовал этот вопрос. Единственный человек, с которым она тесно сошлась на новой работе, была Глафира. Но суровая администраторша хранила молчание. Мельникова все ходила вокруг да около, намекала так и сяк на предстоящую поездку, но тщетно. Глафира как воды в рот набрала.

Тем временем съемочная группа усиленно готовилась к работе в горных условиях. Лариса понимала это по характеру инвентаря, который они с Глафирой упаковывали все в те же деревянные ящики с клеймом «Дебют».

Сборы скорее напоминали подготовку группы альпинистов к штурму горного хребта, чем к съемкам фильма: подвозились и укладывались палатки, бухты капроновых веревок, скальные крючья, карабины, примусы, сахар и сухари в тюках, банки со сгущенным молоком и тушенкой, медикаменты и многое другое.

– А что за эпизоды будут сниматься? – в очередной раз спросила Лариса, уже не ожидая ответа.

Но администраторша вдруг сменила гнев на милость: ее лицо смягчилось, губы тронула легкая улыбка, а монументальная грудь взволнованно колыхнулась. Она доверительно наклонилась к помощнице и прошептала:

– «Взрыв в туннеле»...

– Что? – не расслышала Мельникова. – Где взрыв? Какой?

– Да не «какой», а фильм так будет называться – «Взрыв в туннеле»! Про катастрофу!

– Как интересно! – преувеличенно восхитилась Лариса.

– Я сама только вчера узнала. У нас насчет болтовни строго. Начальство не любит, чтобы работники обсуждали творческий процесс.

– Почему? Ведь...

– Это дело художественного совета, – перебила администраторша. – У нас на киностудии все они решают.

Лариса согласно кивнула, хотя подобная секретность удивила и сильнее раззадорила ее любопытство.

– Глафира, миленькая, – взмолилась она. – Расскажите еще что-нибудь!

– Ну... меня особо тоже никто в тонкости не посвящает. Так... что случайно услышу, о чем сама догадаюсь... Вот, давеча актеры обсуждали, что Чаров нанял группу каскадеров: среди них есть и пиротехники, и альпинисты бывшие, и даже один циркач.

– Циркач-то зачем? Пышная дама пожала плечами.

– Разве я знаю, что режиссер замыслил? Ему такое может в голову взбрести, что нарочно не придумашь. Наверное, супертрюки какие-нибудь будет снимать.

– Мы тоже поедем? – поинтересовалась Лариса.

– Обязательно. На этот раз без нас никак не обойдутся. Во-первых, добираться далеко, а во-вторых, уж больно барахла всякого много. А в нем только я одна быстро разобраться могу. С твоей помощью...

– Мы на поезде поедем? – не унималась Мельникова. – Я самолетов ужасно боюсь.

– Туда на поезде неделю пилить придется, так что предстоит тебе, дорогуша, опасный перелет, – захохотала Глафира, увидев, как вытянулось и побледнело лицо помощницы. – Не дрейфь, я уже не первый раз летаю и до сих пор жива.

– Утешили... Куда лететь – то?

– На Памир. Кажется, в Таджикистан. С географией у меня в школе не сложилось, – вздохнула администраторша. – Ну, ничего, посмотрим на карте. Может, и на вертолете лететь придется.

Лариса решила держаться поближе к группе каскадеров и слушать все, о чем они между собой говорят. Авось удастся разузнать побольше.

Грубые, шумные мужики с обветренными лицами не вызвали у нее особого восторга. Они болтали о каких-то ледниковых речках, перевале Акташ, о долине Западного Пшарта и загадочном «снежном человеке», который якобы обитал там. Этого «снежного человека» они называли голуб-яван...

* * *

Утром Ангелину Львовну разбудил телефонный звонок Самойленко.

– У меня для тебя сюрприз! – возбужденно-радостным тоном сообщил он.

– Олег, ты хоть иногда, для разнообразия, смотришь на часы?

– А что такое? – ничуть не смутившись, спросил психотерапевт.

Его трудно было сбить с толку, особенно когда им овладевала очередная «мания», – так доктор Закревская называла его увлечения.

– Позволь напомнить тебе, что за окнами – тьма-тьмушая, а на часах – всего лишь семь утра.

– Ой, я тебя прошу, не будь такой закоренелой материалисткой, – напирал Самойленко. – Что значит время для свободы духа, который парит...

– Олег! – потеряла терпение Ангелина Львовна. – Поздравляю. Тебе еще до рассвета удалось вывести меня из спокойного состояния. Так что берегись! Я приду на работу страшно злая, и ты не получишь кофе.

– Ерунда. Когда ты увидишь, что я принес, ахнешь! Жду тебя в офисе...

Закревская обреченно вздохнула, встала с постели и поплелась в ванную. Все равно заснуть уже не удастся. Она приняла душ, и через десять минут остатки сна улетучились.

Сегодня у нее трудный день: придут три пациента, среди которых бизнесмен Ревин. Почему-то сеансы с ним давались Ангелине тяжелее всего. Ревин блуждал вокруг да около, не раскрывая истинных причин своего душевного недомогания. А то, что недомогание присутствует, Закревская поняла еще во время первой беседы. Скорее всего, болезненные переживания, наложившие отпечаток на психику, связаны с альпинистским прошлым бизнесмена.

Размышляя, как правильно построить диалог с Даниилом Петровичем, она поставила чайник и принялась готовить себе завтрак. Еда по утрам составляла часть ее повседневного ритуала, который нарушался крайне редко и исключительно по серьезному поводу. Выбирая между овсянкой и бутербродом, Ангелина остановилась на последнем. Большой кусок хлеба она густо намазала майонезом, положила сверху два листа зеленого салата, толстый ломоть ветчины и пластинку сыра.

– Ну, теперь можно наливать кофе, – пробормотала Закревская, откусывая от бутерброда и на ходу жуя. – Олег бы завопил от возмущения, увидев, какое варварское у меня питание.

Самойленко время от времени проповедовал здоровый образ жизни, ел только проросшую пшеницу и ужасался, что ему никак не удастся приобщить к этому Ангелину Львовну.

«Ты не понимаешь! – с пафосом вещал он, поднимая вверх указательный палец и закатывая глаза. – Тело нуждается в очищении от скверны не меньше, чем душа!»

Ангелина кивала, соглашалась и... продолжала поедать колбасу, сливочное масло, копченья, соленья и сладости. Причем это ничуть не вредило ее завидному здоровью, тогда как Олег Иванович то и дело маялся желудком, печенью и общим расстройством пищеварения.

Уже сидя в набитом пассажирами вагоне метро, Закревская вспомнила об обещанном сюрпризе.

«Что у него за очередной бзик? – думала она, перебирая в уме варианты. – Не дай бог, опять монаха какого-нибудь блаженного притащил! Или бабку-ворожею...»

Однажды во время приступа «религиозного экстаза» Самойленко пригласил в офис братьев-отшельников из сомнительной староверческой общины. Они исчеркали стены подозрительными иероглифами и двое суток «изгоняли сатану», наводя на пациентов ужас своими черными хламидами, гнусавым пением и неистово горящими глазами. После вышеописанной процедуры в помещении долго пахло ладаном, свечами, паленой шерстью, а весь пол был укапан воском. Приходящая уборщица ругалась на чем свет стоит, соскабливая с линолеума липкие пятна.

– Станция «Белорусская», – произнес мелодичный голос, возвращая Ангелину Львовну из неприятных воспоминаний в будничное настоящее.

Поток людей устремился к выходу в город. У цветочного киоска сонный милиционер заигрывал с дородной продавщицей, которая выставляла товар. Из

черноты туннелей тянуло сырыми затхлыми сквозняками.

Госпожа Закревская вышла из подземки и сразу попала в густую снежную круговерть. Огромные снежинки летели в лицо и на воротник, превращая прохожих в призрачных Сайта-Клаусов. Издалека, сквозь снежную пелену был виден свет в окнах кабинета Самойленко.

К счастью, на сей раз обошлось: никаких посторонних личностей в офисе не оказалось.

– Пришла все-таки пораньше! – восторженно закричал Олег, встречая ее и помогая раздеться. – Ухты, сколько снега. Подожди, я вытряхну...

Он вышел на порог и встряхнул Ангелинину дубленку.

– Вешай сюда, к печке.

В холле уютно гудела газовая печь, пахло свежесваренным чаем. На стеклянном столике стояла открытая коробка конфет.

– По какому поводу угощение? – удивилась Закревская, бросая жадный взгляд на конфеты. Она обожала шоколад.

– Сейчас узнаешь, – торжественно заявил коллега, потирая свою бородку, что являлось у него признаком величайшего удовлетворения. – Закрой глаза.

– Ой, Олег, только без этого! – взмолилась Ангелина. – Давай, не томи, показывай.

– Ну, ладно, – смиловившись он. – Идем. Он взял ее под локоть, увлекая в свой кабинет.

Там, на середине письменного стола, красовался прозрачный шар размером с небольшой мяч.

– Что это?

Закревская протянула руку, но доктор Самойленко дернулся и закричал:

– Не трогай! Не прикасайся!

– Ты что, Олег? – возмутилась она. – Белены объелся? Пусти, рукав порвешь.

Тот смутился, поспешно отпуская рукав ее костюма.

– Извини...

– Взбесился совсем?

Вежливая и безукоризненно корректная с пациентами – в общении с хорошо знакомыми людьми Закревская не стеснялась в выражениях и вполне могла отпустить крепкое словцо. Самойленко знал эту ее черту и не обижался.

– Понимаешь... – начал оправдываться он. – Магическую вещь нельзя просто так трогать руками. Мне один клиент привез эту штуковину из Японии. Я его просил.

– Ты объяснишь наконец, что это?

Психотерапевт принял эффектную позу и заявил:

– Думаю, мы видим перед собой настоящий... совершенно подлинный гадальный шар. Их делали в Японии пять тысяч лет назад из естественных, то есть натуральных, природных кристаллов кварца. Представляешь?

– С трудом, – вздохнула Ангелина Львовна. Похоже, у Самойленко очередной бзик. – И зачем тебе этот шар? Ты же врач, а не бабка-вещунья! Насмотрелся по телику про экстрасенсов, и крыша поехала? Да?

– Какая ты, Ангелина, прозаическая женщина. Просто жуть берет. Ты... калькулятор, а не человек.

– Спаси-и-ибо, – засмеялась Закревская. – Уважил. Ты, Олежек, признанный мастер изысканных комплиментов. Вот чего у тебя не отнимешь, так это умения

доставить даме удовольствие. Любой поэт умер бы от зависти, услышь он твои речи.

– Ты лучше посмотри на это чудо! – воздевая руки к потолку, нараспев затянул Самойленко. – Какая прозрачность, какое дивное преломление света! Какая необъятная глубина! Шар живой. Он дышит, существует. Разве ты не чувствуешь? В его кристаллической бездне можно прочесть не только прошлое, но и будущее...

– Серьезно? – подняла брови Ангелина. – Ты не шутишь?

– Не веришь? – обиделся коллега. – Напрасно. Все вы, скептики, рано или поздно убедитесь, что в мире существуют не только стетоскопы, градусники и таблетки. Есть нечто неизмеримо большее, непостижимое разумом, сверхъестественное! А вы, вы...

– Давай выпьем, Олег, – перебила его взволнованную тираду Закревская.

Она знала: если вовремя не остановить этот бурный словесный поток, то он унесет Самойленко в такие запредельные дали, что ни у кого не хватит терпения слушать подобную белиберду.

– У тебя есть? – мгновенно переключился он. – Что? Коньяк, водка?

– Я имела в виду чай.

– Пф-ф-ф... – разочарованно фыркнул доктор.

– По-моему, ты и так... навеселе.

Самойленко не стал спорить. Он действительно чувствовал некую эйфорическую приподнятость, и сомнения, высказанные Закревской, не могли остудить его. Она просто не понимает. Женщина! Что с нее взять? Житейский приземленный ум, трезвый расчет. Ангелина – хороший специалист, но интеллект у нее слабенький. Никакого полета фантазии, никаких прозрений. Она ученый сухарь, скучна и правильна, как таблица умножения. Слишком логична, слишком благоразумна. Истинный же гений всегда немного безумен!..

– Эх, Закревская! – преувеличенно сокрушался он. – Не быть тебе ни Платоном, ни Ньютоном. А тем более Аристотелем. И до знаменитой Ванги тебе далеко.

– Я и не претендую. Меня вполне устраивает то, что есть. Мы будем чай пить или нет?

За чаем Ангелина Львовна поглощала конфету за конфетой, вызвав настоящий ужас на лице своего коллеги.

– Как можно есть столько сладкого? Ты же доктор! Зачем ты столько лет изучала физиологию организма? – не выдержал Самойленко.

– Чтобы безжалостно губить его, – парировала она, запивая чаем следующую конфету. – Зачем же еще?

– Вот так всегда. Не могу понять, шутишь ты или говоришь серьезно.

– Ах, Олег, посмотри лучше на себя. Зачем ты приволок в офис какой-то шар? Это же кабинет врача, а не приемная шарлатана. Хочешь строить из себя Калиостро, бросай медицину.

– Почему шарлатана? – возмутился Самойленко. – Если у человека нестандартный взгляд на вещи, так он сразу и шарлатан? У меня просто особый подход к вопросу...

Ангелина Львовна всплеснула руками.

– Надеюсь, ты хоть воду не собираешься заряжать космической энергией? Чтобы потом продавать пациентам в качестве лекарства от всех болезней?

Коллега отрицательно помотал головой, потом призадумался.

– А что? Неплохая мысль...

– Господи! – Закревская отодвинула чашку и встала. – Я, пожалуй, пойду. Почитаю что-нибудь. Сегодня ко мне придет Ревин.

– Иди-иди, зануда. Раз тебе не понравился чудный, таинственный шар... у тебя точно проблемы.

– Угу, – согласилась она. – Безусловно. Ты действительно собираешься использовать шар во время сеансов?

– Ничего подобного я делать не буду, ваше королевское величество! – дурашливо кланяясь, заявил Самойленко. – Зачем? Достаточно, чтобы шар просто находился в моем кабинете. Народ нынче дуреет от всякой там магии и... прочего. Вот увидишь, клиенты ко мне валом повалят. Думаешь, им хочется глотать таблетки? Да они готовы поверить во что угодно, хоть в черта, лишь бы им полегчало!

– Теперь ясно, почему от тебя уже вторая жена убежала.

Доктор Закревская, держась прямо и громко стуча каблуками, удалилась. А Олег Иванович, затаив дыхание, обошел стол, не отрывая взгляда от шара. В его прозрачной глубине происходило какое – то неуловимое, текучее движение...

Глава 5

Самолет, на котором летела съемочная группа и хозяйственники, приземлился в аэропорту Душанбе. Дул пронизывающий ветер, гнал по посадочной полосе снежную поземку.

Во время перелета Мельниковой несколько раз становилось плохо. Стюардесса, тоненькая таджичка с черными, как смоль, волосами, бегала по салону то с лекарством, то с пакетами. Вдруг пассажирку стошнит?

– Ты потерпи, деточка, – причитала Глафира, наваливаясь на Ларису своей мощной грудью. – Потерпи, миленькая, уже скоро...

Лариса не имела сил сказать, что ей и так дышать нечем, сидела бледная, безжизненная; в глазах двоились и троились красные круги. Если бы она знала, что придется так худо, сидела бы в Москве и не рыпалась.

Стюардесса принесла успокоительную таблетку, и Ларисе стало чуть легче, сознание заволокло вялая дремота. Сквозь сонную пелену она вспоминала недовольство мужа ее отъездом.

«Сколько ты там пробудешь? – ворчал он. – В такую даль на неделю не ездят. Наверняка придется торчать в горах до весны».

«Почему же?»

«Потому! – пуще раздражался супруг. – Простые работяги никому не нужны. Никто не собирается о тебе заботиться. Запрут на край света, и сиди, сколько понадобится!»

«Значит, буду сидеть. Что же делать-то? Я туда не от хорошей жизни устроилась».

Мельников взвился.

«Ты меня упрекаешь, да? Тычешь в глаза, что не могу семью обеспечить? Говори прямо, не стесняйся. Нечего меня жалеть! Какие вы все сердобольные, аж противно!»

«Чего ты разошелся?»

«Потому что ты дура, Лорка. Кто тебя заставлял соглашаться тащиться в горы? Сказала бы, не поеду, и точка. Небось не в рабство продалась!»

«Я, между прочим, с тобой советовалась, – обиделась Лариса. – И ты не был против. А теперь, когда завтра лететь, разорался...»

Мельников сник. Он понимал, что жена поступает правильно, но не мог с этим смириться.

«Я же за тебя боюсь, – оправдывался он. – Как бы не случилось чего. Сначала я с лестницы свалился, теперь ты черт знает куда намылилась. Не к добру это, чует мое сердце».

«Ладно, не нагнетай. Что со мной может случиться? Через месяц приеду, денег привезу».

Деньги! Все несчастья из-за них. Мельников начинал ненавидеть деньги лютой ненавистью. Гнев его против проклятых бумажек, без которых шагу не ступишь, закипел со страшной силой.

«А вдруг землетрясение? Или... как его... обвал какой-нибудь? Если лавина с гор сойдет? Ты представляешь себе...»

«Прекрати, Володя! – рассердилась она. – Не надоело выдумывать? Подумаешь, раз в жизни с лестницы упал? Это же не значит, что теперь все везде должно на нас обваливаться? Люди столетиями живут в горах, и ничего. Перестань пугать ме – ня и себя. Помоги лучше собраться!»

Мельников покорно принес ей из шкафа теплые вещи: шерстяные носки, шапку и шарф...

– Лариса... Лариса! – пробивался сквозь дрему голос администраторши. – О, Мать Божья! Она не просыпается!

Но Лариса уже проснулась и пыталась приподнять будто свинцом налитые веки. Когда ей это удалось, Глафира завопила от радости на весь салон:

– Слава тебе, Господи! Глаза открыла! Ну-ка, ребята, помогите мне ее поднять. Фу, как ты нас напугала...

Ларису вывели из самолета, посадили в машину и повезли в гостиницу. Там она отоспалась и окончательно пришла в себя. Глафира не отходила от нее ни на шаг.

– Завтра дальше поедem, – под вечер, за чаем, сообщила она. – Как будем в горы добираться, еще точно неизвестно. Бахмет решает. У них там, в соседнем номере, совещание.

Дмитрий Лаврентьевич Бахмет – главный режиссер фильма. Так, по крайней мере, представила его Глафира. На киностудии «Дебют» царили странные

порядки: никто ни с кем без нужды не знакомился, не вступал в приятельские отношения, ничем не делился, ничего не обсуждал. Лариса поначалу удивлялась, потом привыкла. В каждом монастыре – свой устав. Обо всем, что ей было нужно по работе, она узнавала от Глафиры. Излишнее любопытство в этом коллективе не приветствовалось.

– А на чем поедет-то? – поинтересовалась Мельникова.

– Наверное, на автобусах. Туннель снимать будем, так что к нему и повезут нас. Где-то в горах идет строительство. Туда нам и надо.

Глафира краем уха слышала про вертолеты, но не стала расстраивать помощницу. Может, еще и обойдется. На вертолетах доставят оборудование, а люди поедут на автобусах.

– Я спать хочу, – сказала Лариса.

Ей совсем не хотелось думать ни об автобусе, ни о каком-либо другом виде транспорта.

– Вот и хорошо, – обрадовалась администраторша. – Вот и ладно. Давай ляжем пораньше, а то завтра вставать чуть свет.

Они допили чай, улеглись и выключили настольную лампу. Через несколько минут в номере уже раздавался раскатистый храп Глафиры, а Лариса долго ворочалась, гнала от себя тревожные мысли. Однако и ее сморил сон.

Утром обстоятельства резко изменились.

– Мы никуда не едем, – неожиданно заявила Глафира. – В горах слишком холодно, зима.

– Вот тебе на! – удивилась Мельникова. – А что, Бахмет в Москве не знал, что на дворе февраль?

Администраторша замаялась. Ей самой вся эта бестолковщина изрядно надоела. Руководители «Дебюта» действовали наобум, не учитывая ни погоды, ни

сложных горных условий. Разве нельзя было эпизоды с туннелем снять где-нибудь на Кавказе, например? И проще, и дешевле. Обязательно переться на Памир, да еще в Горно-Бадахшанский район! Туда, как ей стало известно, только на вертолете можно добраться, и то не всюду.

– Бахмет ни при чем, – объяснила Глафира. – Это все начальство мудрит. Чаров и владелец киностудии, господин Гаврилов. Что за люди, ей-богу? Не умеют заранее думать. Все надеются на авось да небось. Вот и выходит, что нам теперь придется здесь куковать до весны.

– Как ты сказала? – Лариса не поверила своим ушам. – Вся группа будет сидеть в Душанбе до марта?

Глафира глубоко вздохнула и провела рукой по аккуратно уложенным волосам.

– Ну, не в Душанбе, конечно. Уж больно накладно выходит столичную гостиницу оплачивать. Придется перебираться в Калаихум. Там проживание гораздо дешевле.

– А... на чем ехать будем? – с опаской осведомилась Лариса.

Выходит, они все-таки едут. Правда, не так далеко.

– На автобусах. Слава богу, до Калаихума идет автомобильная трасса. Там и дождемся весны. Бахмет планирует снимать Язгулемский хребет. Вернее, туннель, который там прокладывают. Я сегодня встала ни свет ни заря, пошла багаж проверить, а они у себя в номере совещались. Кричали – жуть! Я уши навестила... и теперь мало-мальски в курсе дела.

– Закричишь тут. Притащились чуть ли не на край света, а здесь, оказывается, зима. Какая неожиданность!

– Да, непонятно... – согласилась Глафира. – Ну, нам особо расстраиваться не стоит. Мы с тобой люди подневольные, что скажут, то и делать будем. Лишь бы деньги платили, и побольше.

Это было так и не так. Перспектива почти месяц сидеть в глухом городке Калаихуме, в захудалой гостинице, слоняясь из угла в угол, никого не радовала.

– Почему нельзя до весны вернуться в Москву? – спросила Мельникова.

– Ты что? Представляешь, во сколько обойдется перелет туда и назад? Нет, – покачала головой администраторша. – Такой вариант сразу отпадает.

Делать было нечего. К обеду два автобуса двинулись на запад, в сторону Горно-Бадахшанского района. На ледяном небе нестерпимо ярко светило солнце. Дорога петляла, по бокам тянулись горы – то плоские, то остроконечные, из красного песчаника и серого гранита, покрытого снежными шапками – суровое и величественное каменное царство.

Лариса приняла таблетку и постаралась заснуть. Сидеть было неудобно: спина затекла, голова побаливала. Сзади громко разговаривали мужчины, обсуждая намеченную поездку к Сарезскому озеру.

– Может, голуб-явана поймаем! – хохотали они.

Сквозь дрему Лариса слушала байки о «снежном человеке», который якобы издавна живет на озере Сарез. Оно образовалось во время сильнейшего землетрясения. Часть огромной горы сдвинулась и опрокинулась вниз, в реку Мургаб. Глыбы скальной породы образовали естественную запруду. Несколько дней над ущельем стояло облако пыли.

– Сарез – сердце Памира, – говорил хриплый, низкий голос. – К вечеру на озере поднимается большая волна, бежит от Усольского завала вверх, хочет догнать солнце. Там, на диких берегах, он и живет...

– Кто? Йети?

– Это в Гималаях его называют йети, а на Памире – голуб-яван. Снежный человек...

Кажется, голос принадлежал старшему группы каскадеров – Борису.

– Ты сам-то его видел?

– Не посчастливилось, – ответил Борис. – А вот гидрологи[6 - Гидрологи – люди, занимающиеся наблюдением и исследованием водных объектов и ресурсов.] твердят, что видели. Голуб-яван любит глухие и труднодоступные места. Одно слово – неандерталец. Ребята собрали из надувных камер плот, обшарили все берега и прибрежные скалы, заглянули в каждую расщелину, в каждую пещеру, но... никого не нашли.

– А следы?

– И следов не было. Ни одного. Жаль, правда?

– Ага. Только зачем они его искали?

– В том-то и дело, что один из гидрологов утром заметил на берегу какую-то огромную фигуру. Местность необитаемая, все об этом знали, и вдруг...

– Может, это медведь был?

– Может, и медведь. – Борис помолчал. – Но тем же утром у ребят пропала резиновая лодка. Как они ее ни искали – все напрасно.

– Думаешь, лодку голуб-яван стащил? Зачем она ему?

– Мало ли... Кстати, лодка потом нашлась, в пяти километрах выше того места, где она исчезла.

– Сказки все... обычная брехня.

– Поживем, увидим...

Больше Лариса ничего не слышала, она провалилась в глубокий сон. Ей снилось прекрасное озеро – синий глаз Памира. Оно раскинулось перед ней своей сияющей гладью. По его берегам высились заснеженные каменные исполины. Высоко в небе стояло желтое солнце...

Из Калаихума Лариса решила написать письмо мужу. Так, мол, итак, из-за неблагоприятной погоды придется сидеть в горах до весны, только потом начнутся съемки. У Бориса был с собой ноутбук, и она осмелилась попросить его воспользоваться электронной почтой...

Москва

– Рад вас видеть, прекрасная Мария, – кланяясь, сказал Холмогоров.

– Проходите в гостиную, Геннадий Алексеевич. Чем обязана вашему визиту?

Господин Холмогоров был давнишним приятелем Ревина. Они дружили едва ли не со школьной скамьи, потом пути их разошлись. Данила увлекся альпинизмом, пропадал в горах, а Холмогоров получил экономическое образование, защитил докторскую и занялся финансами. Встретились бывшие одноклассники случайно, в приемной одного государственного чиновника. Пока ожидали «высочайшей аудиенции», разговорились. Оказалось, что их интересует одна и та же сфера бизнеса – технические средства связи и предоставляемые в этой области услуги.

«Данила! – не переставал удивляться Холмогоров. – Я думал, ты с гор уже не спустишься. Бросил, что ли, свое скалолазание?»

«Бросил, – серьезно ответил Ревин. – Считаю, альпинистская страничка моей биографии закрыта. Навсегда».

Больше они к этой теме не возвращались. Ревин пригласил друга на должность финансового директора в свою молодую перспективную фирму «Роскомсвязь».

Холмогоров познакомился с женой Ревина и с самой первой встречи стал называть ее «прекрасная Мария». Отношения у них сложились холодно-официальные, хотя Машеньке казалось, что чопорный и сухой Холмогоров втайне питает к ней симпатию. Сказать, что он влюблен, было бы большой натяжкой. Это слово вовсе не подходило к Холмогорову – высокий, длинный, худой, он являлся воплощением бесстрастности и безукоризненного профессионализма. Финансы, денежные потоки, банковские операции, казалось, занимали его полностью, без остатка.

– Я к вам по делу, прекрасная Мария...

Холмогоров уселся в кресло, заложив ногу на ногу. Дорогой костюм висел на нем, как на вешалке; тщательно, волосок к волоску, прилизанные волосы облегли вытянутый породистый череп мыслителя, облысевший лоб блестел.

– Да? – удивилась Ревина. – Кому, как не вам, знать, что в бизнесе я полный профан. А что касается денег, то я умею их только тратить.

Геннадий Алексеевич изобразил на лице некое подобие улыбки, при этом его бесцветные глаза, обрамленные белесыми ресницами, оставались напряженно – серьезными.

– Как ни странно, – продолжал он тем же ровным деловитым тоном, – я пришел говорить с вами именно о деньгах.

– Хорошо... я вас слушаю. Может, выпьете чего-нибудь? Коньяк, водка?

– Благодарю, нет.

Машенька отлично знала, что Холмогоров пил все подряд в больших количествах и умудрялся не пьянеть. То, что он отказался от спиртного, говорило о важности предстоящей беседы.

– Прекрасная Мария, поймите меня правильно... я не собираюсь обсуждать здесь деловые качества вашего супруга и моего партнера...

– Вы о Ревине, что ли?

Геннадий Алексеевич слегка нахмурился. Эти женщины! Что за несносная привычка перебивать?

– Меня привело к вам беспокойство, – терпеливо объяснял он. – Данила прежде всего мой друг, а потом уже партнер по бизнесу. Он... самый близкий мне человек. Я не женат, родители мои умерли, и вы с Данилой – вся моя семья. Ну еще фирма, конечно. Фирма – это мой ребенок. Я выпестовал, вырастил ее, поставил на ноги, и мне не безразлична судьба моего детища.

Машенька насторожилась. Этого только не хватало! Неужели у Ревина начались неприятности в делах?

– А что случилось? – спросила она, замирая от страха.

Из-за ерунды Холмогоров никогда бы к ней не явился, тем более в отсутствие мужа.

– Видите ли, Мария Сергеевна, я... теряюсь в догадках по поводу Данилы. Что с ним происходит в последнее время? Вы ничего... э-э... необычного не замечаете?

– Чего именно? Говорите толком, Геннадий Алексеевич. Я тонкостям светских бесед не обучена, мне желательно попроще и поконкретнее.

Холмогоров молчал, буравя ее пристальным недоверчивым взглядом.

«Какой у него неприятный прищур!» – подумала Машенька, невольно внутренне холодея. Как бы там ни было, она не собиралась обсуждать проблемы Ревина ни с кем, кроме его психотерапевта. Даже с Геней.

– Кофейком не угостите? – опуская глаза, спросил Холмогоров. – Вы божественно готовите кофе по-турецки.

– С удовольствием. Только вам придется пару минут подождать.

Машенька поняла, что Холмогоров взял паузу. Значит, разговор действительно предстоит серьезный. Она машинально возилась на кухне, не переставая думать о финансовом директоре. Неужели он что-то заметил? Но ведь все приступы неуравновешенности у Ревина случались в основном по ночам. Днем он оставался прежним Данилой, добродушным, вспыльчивым, порывистым, умным и веселым парнем. «Парень! – усмехнулась она. – Я забываю, что нам с Ревиним уже перевалило за тридцать».

Она разлила кофе в маленькие фарфоровые чашки и вернулась в гостиную. Холмогоров все так же сидел, глядя прямо перед собой.

– Прошу, – она поставила на стол кофе и блюдо со сладостями. – Угощайтесь.

– М-мм... какой аромат! – восхитился гость. – Восток чудесен, вы не находите? Мы обязаны ему столькими наслаждениями.

Машенька кивнула.

– Пирожные, конфеты? – предложила она.

Холмогоров отказался. Он пил кофе и совершенно, казалось, забыл о цели своего визита. Но Машенька знала, что это всего лишь уловка. У Геннадия Алексеевича феноменальная память, он никогда ничего не забывает.

– Наша фирма находится в непростых условиях, – сказал он, будто и не отвлекался. – Мы должны срочно вернуть крупный кредит.

– И что? Не хватает денег?

– Пока хватает...

– Что значит «пока»? – испугалась Машенька. – Существует угроза банкротства? Я совершенно не сведуща в таких вещах. Так что вам придется ввести меня в курс дела, Геннадий Алексеевич.

– Я как раз пытаюсь выполнить эту задачу, – одними губами улыбнулся Холмогоров. – А вы меня сбиваете с мысли.

«Тебя собьешь!» – зло подумала Ревина.

– Извините... – сказала она. – Продолжайте, пожалуйста.

Холмогоров поставил чашку на столик и потер ладонью о ладонь. Раздался сухой шелестящий звук, от которого Машеньку передернуло.

– Так вот, – вкрадчиво произнес он. – Три месяца назад Данила, не поставив меня в известность, снял большую сумму со счета и... она исчезла. То есть он

израсходовал эти деньги либо на собственные нужды, либо... Не имею представления, зачем они ему могли понадобиться. Вы что-нибудь знаете об этом?

– Н-нет... – Машенька в самом деле не знала. – Ну... мало ли? Бывают непредвиденные обстоятельства... и личные тайны.

– Данила мог бы посоветоваться со мной...

– Тайны есть тайны, Геннадий Алексеевич. Каждый из нас имеет право на частную жизнь. В том числе и Ревин.

– Согласен с вами, прекрасная Мария. Я бы не пришел сюда, если бы подобное не повторилось. Месяц назад Данила снял со счета очередную крупную сумму и не соизволил сообщить, куда и зачем он тратит деньги. И это в преддверии выплат по кредиту! Что вы скажете?

Машенька растерялась. Что тут говорить? У Холмогорова есть все основания бить тревогу.

– Партнеры не должны так поступать, – добавил он.

– Вы не спрашивали Ревина, зачем он берет деньги со счета? – пробормотала она, чувствуя сухость в горле и подступающую дурноту.

– Разумеется, спрашивал...

– Что он вам ответил?

– Ничего. Он раскричался, что никто не смеет вмешиваться в его дела, обвинил меня во всех смертных грехах и перестал разговаривать. С тех пор у нас чисто официальные отношения. Откровенно говоря, я думал, Данила остынет, поймет, что не прав, и все наладится. Но... мои надежды не сбылись.

– Господи! – Машенька нервно сплела пальцы в замок. – Может быть, Ревина шантажируют? Кто-то вымогает у него деньги?

Гость скептически пожал плечами.

– Все возможно в нашем суетном мире. Если даже и так, Данила должен с кем-то поделиться своими проблемами. Мы ему не чужие. Поговорите с ним. Возможно, вам он откроется... в отличие от меня.

– Ой! – Машенька махнула рукой. – Вряд ли. Ревин и раньше дома не особо распространялся о делах, а теперь и вовсе...

Она сообразила, что сболтнула лишнее, и прикусила язык. Но было поздно.

– Что? – так и вскинулся Холмогоров. Его длинный тонкий нос задрожал, словно почуял запах добычи. – Вы тоже заметили перемены в Ревине? Не скрывайте от меня ничего, прекрасная Мария. Поверьте, речь идет о судьбе фирмы, а значит, и нашей с вами судьбе. Ведь вы уже привыкли не отказывать себе ни в чем, жить вольно и беззаботно! Вас не шокирует перспектива снова оказаться на дне?

– Так сразу и на дне! – возмутилась Машенька. – Вы, Геннадий Алексеевич, явно сгущаете краски.

– Допустим, – согласился он. – Но только самую малость. Фирма на грани краха. Если мы вовремя не рассчитаемся с кредитом... придется свертывать производство, продавать недвижимость, расторгать контракты с иностранцами. А они не любят упускать свою выгоду. Предъявят такие неустойки, что мало не покажется. И вообще...

– Вы же говорили, денег хватит! – перебила его Ревина.

– Говорил. Но вчера... Даниил Петрович обмолвился, что ему снова нужны деньги. Весьма приличная сумма. Где прикажете их доставать? Опять снимать со счета? Это смерти подобно. Продать часть акций?

– У-у нас есть загородный дом...

Холмогоров захохотал, запрокинув лысеющую голову. Кадык на его тощей шее ходил ходуном.

– Развеселили вы меня, прекрасная Мария, право слово, развеселили. Загородный дом! Вы хоть понимаете, какая сумма вдруг понадобилась вашему супругу? Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха...

Холмогоров, так ничего не добившись от нее, ушел.

Машенька, оставшись одна, взялась за голову. Того, что рассказал финансовый директор, она никак не ожидала. Его гомерический хохот все еще стоял у нее в ушах...

Глава 6

Февраль в Москве выдался холодный. Ночами завывали вьюги, терлись ледяными боками о стены домов, бросали в окна снежную крупу.

Ангелина Львовна с трудом заставляла себя ходить на работу. Пришлось достать из шкафа тяжелую длинную шубу с капюшоном, чтобы спастись от мороза.

– И как это чукчи живут на своем севере? – недоумевала она.

– Чукчи одеваются в оленьи шкуры, – глубокомысленно изрекал Самойленко. – Причем сами их выделывают. У них одежда легкая, как пух, и непродуваемая.

Два раза в неделю, по утрам, приходил к ней на сеансы Ревин.

– Мне так удобнее, – заявил он. – Отбыл наказание, и целый день свободен.

Слова «отбыл наказание» выражали негативно-пренебрежительное отношение пациента к сеансам. Впрочем, он повел себя вызывающе с самого начала, всем своим видом демонстрируя, что посещает психотерапевта только ради жены. Делает ей одолжение.

«Какая мне разница? – успокаивала себя Закревская. – Главное, он все-таки приходит и даже что-то говорит».

Вызвать Ревина на откровенность было непросто. Вот и сегодня он явился в самом дурном расположении духа.

– Ну-с, милейшая Ангелина Львовна, приступайте к вашему допросу. – Он уселся в кресло и уставился отрешенным взглядом в окно. – Метель нынче лютая. Всю ночь выла, как стая волков. Вам удалось выспаться под такой зловещий аккомпанемент?

– Частично, – улыбнулась она, пропуская мимо ушей его сарказм. – А вам?

Он молчал, раскачивая носком ботинка. Под окном курили два его охранника, оживленно жестикулировали, смеялись. Ревин вдруг остро позавидовал этим молодым крепким ребятам, у которых в голове пусто, как в колоколе, а на душе легко.

«При чем тут колокол?» – недовольно подумал он, еще больше раздражаясь.

Его бесило все, особенно сидящая напротив улыбчивая женщина, ждущая от него каких-то слов, объяснений, которых он не мог ей дать. Он сам в себе запутался.

– Чему вы улыбаетесь? – напряженно спросил он. – Вам в самом деле весело? Или это ваша профессиональная врачебная маска? Как у хирургов. Знаете, они подходят к операционному столу в этих наводящих ужас намордниках и приступают к своему любимому занятию... резать, кромсать чужие тела. А? Чудная работенка! Вы не находите?

– Я не собираюсь вас резать, Даниил Петрович.

– Да ну! А по-моему, вы хотите вскрыть мою душу, дабы установить причину недомогания. Ведь так? Диагноз установим после вскрытия! Ха-ха-ха! Ха-ха... Черный медицинский юмор.

Закревская помолчала, глядя на Ревина своими большими темными глазами.

– Значит, вы этой ночью совсем не спали? – участливо спросила она.

– Только попрошу без напускного сочувствия! – взвился бизнесмен. – Не стройте из себя «добрую мамочку», вам не идет. Я не нуждаюсь в вашей жалости! Да, я не спал... почти. Забывался на несколько минут, и все. Очень неприятно выла метель.

– А что снилось?

– Думаете, в редкие мгновения забытья успевает что-то присниться?

– Во сне время идет по-другому.

Ревин задумался, разглядывая свои ухоженные руки. У него были длинные красивые пальцы, как у музыканта.

– Закройте глаза, – предложила Ангелина Львовна. – Так вам будет легче.

Ревин нехотя повиновался. Пару минут он сидел не двигаясь, видимо скучая, и даже зевнул. Но постепенно его лицо приобрело совсем другое выражение.

– Кажется... действительно, припоминаю... – медленно произнес он. – Снилось огромная, полноводная река, очень широкая...

– Вы плыли по ней?

– Да...

– На чем? Что это было – лодка, корабль?

– Ни то, ни другое...

– Может, плот?

– Не-е-ет... – лицо Ревина приняло мечтательный вид. – Это был... сад! Прекрасный, зеленый, пышный сад... полный цветов и плодов...

– Вы ничего не путаете?

– Послушайте, – улыбнулся пациент, – я рассказываю вам свой сон. Во сне и не такое бывает.

– Хорошо. Допустим, это сад. Он плывет по реке?

– Да... Это плавучий сад... Я лежу на мягкой зеленой траве и смотрю в небо. По небу медленно движутся облака... Мне легко... я слышу плеск воды...

– Вам хорошо?

Ревин, казалось, глубоко ушел в себя.

– Сначала да, а потом... нет, потом что-то произошло. Ужасное... – ответил он, меняясь в лице.

– Что именно? Постарайтесь представить...

– Но я не хочу! – перебил Ревин, нервно стискивая руки. – Не хочу вспоминать этого.

– Попробуйте. Все не так страшно.

Он колебался, но воспоминания уже захватили его. Они переполняли сознание, требуя выхода.

– Солнце, много солнца... Высокая гора! Или нет... не гора, а сооружение, похожее на гору... Шум! Станный, громкий шум... Как будто кричат много людей... и какой-то ритм. Похоже на барабаны. Еще какой-то звук... Все вокруг сверкает и переливается!

– Там есть кто-то, кроме вас?

– Д-да... люди. Они без одежды. Хотя нет... Просто я... затрудняюсь ее описать...

– И все же?

Ревин сосредоточился. Он как будто пристально всматривался, но ничего больше не увидел.

– Нет, все... – разочарованно сказал он. – Все! Картинка сна растаяла. Она просто исчезла.

Некоторое время он молчал, тяжело дыша.

– Черт знает что! – наконец выдохнул он. – Вы полагаете, это мне действительно приснилось?

– А как вы сами думаете?

Закревская старалась строить беседу так, чтобы пациент сам отвечал на свои вопросы. Она была убеждена, что никто, кроме самого человека, не сможет распутать клубок собственных умственных заблуждений. Подсказки тут бесполезны.

– Я? – удивился Ревин. – Что я могу думать? Я даже не знаю, не басни ли я вам рассказываю. Вдруг я все это сочинил?

Ангелина Львовна покачала головой. Она превосходно умела отличать правду от вымысла.

– Вы мне поверили? – спросил он, напряженно глядя ей в глаза.

– Да.

– Ну, знаете...

– И все-таки, – повторила она, – вы на самом деле видели это во сне?

Ревин вздохнул и развел руками.

– Мне кажется, что видел. У меня не очень богатая фантазия. Впрочем, вы специалист, вам и судить.

Закревская закончила сеанс, попрощалась с пациентом и выглянула в окно. Она видела, как Ревин, сопровождаемый охраной, быстрыми шагами подошел к своему «джипу» и сел в него, как захлопнулись дверцы, и машина тронулась с места.

– Ты уже освободилась? – осведомился Самойленко, который тем временем успел войти в ее кабинет и усестись в кресло.

– Фу, напугал! – возмутилась Ангелина Львовна. – Стучать надо, господин доктор.

– Я стучал... но ты не слышала. Нельзя так погружаться в себя.

– Я думала о Ревине.

– Тем более! Я еще в институте понял, что заглядывать в чужие души небезопасно. Все, хватит! – решительно сказал он. – Давай лучше пить кофе.

Он проворно встал, открыл шкаф, достал оттуда кофеварку и две чашки.

– Давай... – согласилась Закревская.

Она все еще думала о сне, который пытался вспомнить Ревин.

– Слушай, Олег, ты что-нибудь слышал о садах, которые плавают?

– Плавучие сады? – поднял брови Самойленко. – Нет. Разве такое бывает?

– Ну, давай же, напрягись, – настаивала она. – Ты всегда был эрудитом.

– Почему был? – он включил кофеварку и закрыл глаза, приняв необычайно глубокомысленный вид. – Сейчас соображу. Сады, сады... сады... Черт! Как назло, ничего путного в голову не приходит...

– Не торопись.

Он затих, смешно шевеля губами. Вдруг складки на его лбу разгладились и все лицо просветлело.

– О! Вспомнил! Висячие сады! Одно из семи чудес света. Жутко давно жила в Вавилоне изобретательная царица. Звали ее Семирамида. И захотелось ей иметь висячие сады. Согнали рабов, велели насыпать земляные террасы, подвести к ним воду... и разводить всякие диковинные цветы и деревья. Ну, вот...

– Олег, ты не понял. Я тебя спрашиваю не про висячие сады, а про плавучие.

– Плавучие? – повторил Самойленко, продолжая сидеть с закрытыми глазами. – Нет... ничего не могу сказать о плавучих садах. Надо порыться в Интернете.

– Ладно, – вздохнула Ангелина Львовна. – Кофе сварился. Давай, неси шоколад.

– Откуда ты знаешь, что у меня есть?

– Твой магический шар доложил, – засмеялась она. – Как только у тебя появляется шоколад или конфеты, он сразу приобретает оранжевый оттенок. Не будь жмотом, Самойленко.

– Шутишь?

– Ну... отчасти. К тебе сегодня поклонница приходила, пациентка Марина. Ей психотерапия не нужна. Ее ты интересуешь. Что она тебе каждый раз приносит в виде презента?

– Шоколад! – захохотал он. – Ты заметила?

– А то! Пропустить такое лакомство? Доктор проворно сбегал за шоколадом.

– На, ешь! – трагическим тоном вымолвил он, кладя коробку на стол. – Как это на тебя похоже, отобрать у человека последний кусок!

Пока Ангелина Львовна, ничуть не смущаясь, жевала шоколад, Самойленко напряженно размышлял.

– Слу-у-шай... кажется, я что-то вспомнил о плавучих садах. Если память мне не изменяет... такие сады были у этих, как их... индейцев.

– Каких индейцев? Истории про краснокожих я читала, но...

– Да нет! – перебил ее Самойленко. – Совсем не те индейцы. Те апачи, гуроны и могикане... А я имею в виду майя, инков и ацтеков. Заброшенные города в джунглях, пирамиды... император Монтесума.[7 - Монтесума – вождь ацтеков, возглавлял союз племен с центром в городе Теночтитлан (современный г. Мехико).] Приключения испанцев и Кортеса...[8 - Кортес, Эрнан (1485-1547) – испанский завоеватель, возглавивший поход в Мексику, который привел к установлению там испанского господства.]

– Час от часу не легче, – помрачнела Закревская. – Может, человек передач насмотрелся про конец света или книг начитался, вот ему и снится всякое?

– Я бы так не упрощал. Миллионы людей смотрят телевизор, читают книги, и это вовсе не делает их пациентами психотерапевта...

* * *

Мельников получил письмо от Ларисы, где та сообщала, что съемочная группа останется на Памире до весны.

«Здесь очень красиво, – писала она. – Повсюду горы, небо и солнце. Такого яркого солнца я раньше нигде не видела. Режиссер говорит, что солнечная радиация на Памире в пятьдесят раз сильнее, чем где бы то ни было.

Фильм будет сниматься в районе Язгулемского хребта, где прокладывают туннель. Совсем близко с границей Афганистана. Многие опасаются нападений душманов, но пока все спокойно. Местные жители уверяют, что боевики предпочитают переходить границу в других местах. Надеюсь, это правда.

Мы пока живем в Калаихуме, в маленькой затрапезной гостинице. Операторы ездили, вернее, летали на вертолете на Сарезское озеро, подбирать подходящий пейзаж для съемок. Все только и говорили о «снежном человеке» – голуб-яване. Но приехали разочарованные. Ни голуб-явана, ни следа его, ни волоска не

нашли... Интерес к «снежному человеку» особенно разгорелся после того, как один из актеров рассказал про своего отца, участника экспедиции профессора Станюковича, которому посчастливилось увидеть это неуловимое существо.

Якобы на рассвете, когда все еще спали, он встал пораньше, выглянул из палатки и увидел огромную фигуру в четырехстах метрах от него. Фигура как-то странно, скачками, передвигалась и через несколько секунд скрылась за склоном горы. Воодушевившись, ученые стали вести по ночам регулярные наблюдения с помощью приборов ночного видения, а днем, разбившись на группы, искали следы. Однажды лунной ночью еще двое членов экспедиции видели загадочную фигуру. Но следов так и не обнаружили.

Наши ребята, как ни обидно, тоже вернулись ни с чем. Сокрушались, что им не повезло и они даже тени голуб-явана не видели. Зато озеро поразило красотой всех.

Операторы договорились с сотрудниками гидрометеостанции, и те показали им самый лучший вид на озеро со скального утеса. Все застыли в восхищении и долго любовались зимними красками дикой природы.

Ну, а нам пришлось довольствоваться привезенными фотографиями. Даже на них озеро поражает великолепием: между снежных гор, словно в каменной чаше с зубчатыми краями – синяя зеркальная гладь, сверкающая в солнечных лучах. Жаль, что я не смогу увидеть Сарез своими глазами. Говорят, вода в нем чистая и светлая, как слеза. Местные жители верят в ее целительную силу. Мол, если окунуться в озеро, то обретешь вечную молодость и здоровье. Это, конечно, легенда, но все равно интересно.

Метеорологи поделились с нашими ребятами своими наблюдениями. Иногда по ночам некоторые из них видели огромные фигуры. Те странно мерцали в лунном свете. Все думают, что голуб-яван обитает именно на берегах Сарезского озера, только найти его непросто. Горы тщательно хранят свои тайны. Может быть, это и правильно.

Ну вот, вроде все новости я тебе сообщила. В гостинице немного скучно. Единственное развлечение – болтовня, поэтому любая новость тут же обрастает множеством подробностей. И уже не разберешь, где правда, а где вымысел.

Таджики – добрый и приветливый народ. У них очень красивая одежда, особенно платья у женщин. В холода они надевают их одно на другое. Многие одеваются по-современному, в дубленки и шубы. Повсюду продаются джурабы – теплые шерстяные носки. Их краски и узоры изумительны. На носках – целые картины: звери и птицы, одуванчики, чинары в горах. Джурабы носят и мужчины, и женщины. Я не удержалась, купила тебе и себе по две пары.

Наверное, тебя интересует, как здесь кормят? Еда вкусная, хотя очень простая: молочные продукты, баранина, лепешки, суп шурпа. В общем, жить можно.

Хотела уже заканчивать, но пришла Глафира и сообщила, что через неделю мы переезжаем поближе к Язгулемскому хребту. Будем жить в горном кишлаке. Как там с Интернетом, не знаю. Поэтому если писем не будет, не волнуйся, пожалуйста. Твоя Лариса».

Мельников не мог знать, как развиваются события на далеком Памире. Ему оставалось только ждать.

Глава 7

К концу февраля потеплело, и съемочная группа выехала из Калаихума в сторону Язгулемского хребта. Дорога все круче и круче поднималась витками вверх. С одной стороны шла отвесная стена, с другой – обрыв.

Лариса закрыла глаза и старалась заснуть. Остальные пассажиры, далее шумная Глафира, тоже притихли. С перевала дорога побежала вниз, петляя между скал. Каждый раз открывались потрясающие виды: высокие кручи и бездонные провалы, синее небо между отрогами, остроконечные вершины, покрытые вечным льдом. Горы в лучах солнца вспыхивали розовым, синим, фиолетовым и оранжевым.

Режиссер Бахмет прильнул к окну автобуса.

– Вот это натура! – восхищенно восклицал он. – Красота...

Операторы что-то на ходу снимали. Бахмет требовал остановить автобус, но водитель отказался наотрез.

– Скоро стемнеет, – сказал он. – Надо успеть добраться до кишлака. Погода в горах капризная, мало ли что.

Ночевали в кишлаке, в большом таджикском доме.

Горные таджики строились основательно, рассчитывая жилище на большую патриархальную семью. Дом был простой, массивный, прочный, сложенный из дикого камня. Внутри стены побелены. Деревянные балки, столбы, двери и окна покрыты замысловатой резьбой. В деревянной крыше по старинному обычаю – отверстие для света и дыма. Есть печи, есть и дедовский очаг.

В доме было тепло, пахло шерстью и дымом. Вдоль стен лепились широкие лавки, накрытые одеялами. Все разбрелись – кто куда. Лариса с Глафирой прилегли отдохнуть.

– Скажи, страшно ездить по горным дорогам? – спросила администраторша и сама же ответила: – Ох, и страшно! Наши автобусы – как спичечные коробки. Пропasti видела какие?

Лариса кивнула. Она до сих пор в себя не могла прийти.

– Долго еще ехать?

– Вроде нет. Надо спросить у Бориса. Ты устала?

– Ужасно... – призналась Мельникова. – И как люди тут живут?

– Да им-то чего? Они никуда не ездят, разве что на ослах или на лошади. Сидят себе и в ус не дуют.

– Ой, нет, – возразила Лариса. – Я бы не смогла. Страшно здесь, хоть и красиво.

– Дело привычки. Они же родились в горах. Это земля их пращуров.

– Ничего себе, земля! Камни одни.

– Какая есть...

Пожилая таджичка принесла глиняный кувшин, полный молока, черные обливные кружки. Поставила на пол огромный закопченный казан, от которого шел душистый пар.

– Куурдук, – сказал шофер. – Приготовлен на живом огне. Угощайтесь.

– Что это такое? – опасливо поинтересовалась Лариса, заглядывая в казан. – Пахнет вкусно.

– Куурдук – жаркое из свежей баранины, – объяснил Борис. – Сейчас хозяйка принесет лепешки и кок-чай. Зеленый чай по-ихнему. Без зеленого чая здесь ничего не обходится.

Старика-хозяина звали Хайдаршо, а его жену – Анора. Он на пальцах показал, что у них восемь детей.

– Дастархан, – бормотал старик. – Дастархан...

– Что он говорит? – спросила Глафира.

– Дастархан – это праздничный стол, – ответил Борис, прислушиваясь к бормотанию седого таджика. – Он говорит, что давно у него в доме гостей не было. Гости в доме – добрая примета. Поэтому они с женой накрыли праздничный стол.

Анора, жена старика, принесла большое блюдо с пловом.

После обильной еды и чая гости, сытые и разомлевшие, улеглись спать. Лариса сразу заснула, но скоро ее разбудил раскатистый храп Бориса и других мужчин.

– Глафира, – прошептала она, поднимаясь на локте и пытаясь разглядеть в темноте лицо администраторши. – Вы спите?

– Как же! Уснешь тут! – возмущенно прошипела та. – При таком-то храпе! Черт бы их побрал! Трубят, как африканские слоны.

Лариса приглушенно хихикнула.

– Тебе хозяева-таджики понравились? – спросила Глафира. – Степенные люди. Живут основательно, никуда не торопятся. Завидую таким.

– Ага. Только куда им торопиться? Горы кругом, вечные снега... звезды. Обстановка не располагает к поспешности. Вообще таджики – великий народ. Вы читали Фирдоуси?

– Нет...

Глупо было спрашивать об этом Глафиру, но Лариса и не ждала ответа.

– Азия подарила нам Омара Хайяма и великого Абу Али ибн-Сину, – добавила она.

– Абу... кто?

– Авиценна. Философ, врач и поэт.

– Ну, ты даешь, Мельникова! Откуда ты все это знаешь?

Лариса тяжело вздохнула, помолчала.

– Я в юности литературой увлекалась, особенно восточной, хотела даже персидский язык выучить. А пришлось поступать на биологический.

– Почему?

– Там конкурса не было.

– Жалеешь? – сочувственно спросила администраторша.

– Вроде нет. Иногда встрепенется что-то в душе... и погаснет. Чего жалеть без толку? Поезд ушел.

За разговорами они незаметно уснули. Утром их растолкал Борис.

– Ну, вы и сони! Еле добудился.

– Храпеть меньше надо. Полночи глаз не сомкнули из-за вас! – сердито сказала Глафира. – Чего тебе?

– Так это... – опешил тот. – Ехать пора. Все уже собрались. Вас ждем.

И снова в окна автобуса смотрели горные хребты, синее небо и солнце, солнце, солнце...

Москва

Маленький и не очень дружный коллектив фотостудии «Профиль» собрался в подсобке за празднично накрытым столом. Ждали Марата.

– Кто у нас сегодня именинник? – удивился он, открыв дверь. – Я уж думал, все разошлись давно, а свет забыли выключить.

Ирочка, которая работала в «Профиле» приемщицей заказов, покраснела и даже привстала.

– У меня день рождения, Марат Анатольевич...

– Что вы говорите?!

Калитин прекрасно знал дни рождения своих сотрудников. Он старался превратить разрозненные ряды «Профиля» в некое подобие сплоченной команды. Пока получалось плохо. Но то, что сего – дня вечером все собрались поздравить Ирочку, вселяло надежду.

– В таком случае... желаю любви и счастья! – он достал из-за спины букет роз и вручил имениннице.

Все захлопали в ладоши, а Миша, тот самый фотограф, который собирал очереди недовольных клиентов, открыл шампанское.

– Садитесь, Марат Анатольевич, – Ирочка подвинулась, уступая место Калитину. – Мы не начинали без вас.

Стол ломился от разнообразных блюд и закусок. Ирочка слыла большой кудесницей по части кулинарии и умела удивить любую взыскательную публику. Она готовила вкусно и старалась уйти от традиций. Вместо привычного оливье Марат увидел несколько зеленых и фруктовых салатов, креветки с лимоном, запеченные в соусе грибочки, заливное ассорти и целый ряд кушаний, которых он вообще ни разу не пробовал и даже не знал их названий.

– За вами поухаживать? – предложила именинница, моргая от восторга накрашенными глазами.

Наконец-то, Марат Анатольевич сидит рядом с ней. Они проведут вместе целый вечер!

– Куда же это годится? – засмеялся он. – Сегодня я буду ухаживать за вами.

Ирочка вспыхнула от удовольствия и выпитого шампанского. Она была тайно влюблена в Калитина с того самого момента, как пришла устраиваться на работу. Едва она взглянула на него, сердце ее дрогнуло. Классный мужчина! Именно о таком она мечтала. Он соответствовал всем ее представлениям. Корректный, уверенный в себе, спортивный, с правильными, мужественными чертами лица... Впрочем, достоинства Марата она могла бы перечислять бесконечно. И главное – он не был женат, следовательно, не имел «хвостов» в виде детей, законной супруги, тещи, тестя и прочих нежелательных родственников.

«Я его не упущу! – сказала себе Ирочка. – Костыми лягу, но женю его на себе!»

Она принялась окружать Калитина неусыпным вниманием. Тот вроде бы ничего не замечал. Ирочка не собиралась сдаваться. Она с детства усвоила одну неоспоримую истину: мужчины – крепкие орешки. Ее мама трижды выходила замуж, и все неудачно. Последний мамин супруг, дядя Леша, вел мелкий бизнес, влез в долги, а потом вынес из дома все деньги и ценные вещи. Понятно, что это ему не помогло. Но материальному положению Ирочки и ее мамы был нанесен существенный урон.

«Все! – всплакнула Ирочкина мама. – Больше никаких браков. А ты, дочка, будь умнее. Прежде чем связываться с мужчиной, смотри в оба».

Ирочка смотрела. Она была недурна собой – стройная, хорошо сложенная, с приятным, интеллигентным лицом и мягкими длинными волосами пепельного цвета. Причем редкий оттенок ее волос являлся естественным. С такой внешностью она неизменно пользовалась успехом у сверстников, но мамин опыт рано разочаровал ее. Ирочка относилась к ухаживаниям снисходительно, и только. Ничего серьезного не позволялось. Во всяком случае, пока претендент не пройдет самую тщательную проверку.

Ирочкино «сито» оказалось настолько густым, что ни один кавалер не имел шансов. Тот внешностью не вышел, другой умом, третий занимался сомнительными делишками. А годы шли. Ирочкина красота не то чтобы меркла – просто становилась другой, более зрелой. Ряды женихов поредели. Но и они не устраивали разборчивую невесту.

«Молодец! – хвалила ее мама. – Не хватало еще тебе вляпаться. Тогда обеим хоть вешайся!»

Ирочке исполнилось двадцать семь лет, иными словами, прозвенел первый звонок. Она заочно училась экономике и бухгалтерии, а работала в районной администрации секретарем. Там же, только на более выгодной должности, работала и ее мама. Собственно, она Ирочку и устроила поближе к себе.

«Мама! – растерянно сказала Ирочка, когда они вечером отмечали ее очередной день рождения. – Мне скоро тридцать...»

«Ну, не скоро, – философски рассудила мама. – Однако тебе следует активизировать поиски».

Ирочка задумала сменить работу. Когда что-то не клеится, необходимы перемены. Она решила устроиться в более легкомысленное заведение, где у нее будет много свободного времени. Таким заведением оказалась фотостудия «Профиль».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Намерения и поступки человека, совершающего попытки самоубийства.

2

Сверхъестественных.

3

Якобинец – буржуазный революционер-демократ.

4

Архар – горный баран.

5

Хангул – благородный олень.

6

Гидрологи – люди, занимающиеся наблюдением и исследованием водных объектов и ресурсов.

7

Монтесума – вождь ацтеков, возглавлял союз племен с центром в городе Теночтитлан (современный г. Мехико).

8

Кортес, Эрнан (1485–1547) – испанский завоеватель, возглавивший поход в Мексику, который привел к установлению там испанского господства.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-solnceva/v-hrame-solnca-derev-ya-zolotye>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)